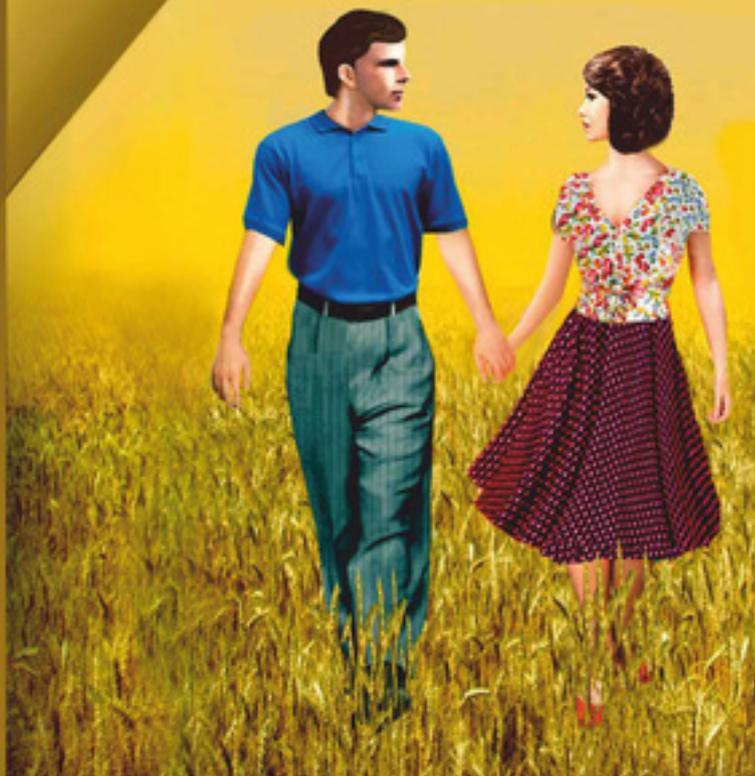

Букет подснежников - на счастье

**Валентина
Ефимова**

Валентина Ефимова

Букет подснежников – на счастье

«Городская организация Союза писателей»

2015

Ефимова В. В.

Букет подснежников – на счастье / В. В. Ефимова — «Городская организация Союза писателей», 2015

Эта книга основана на реальных исторических событиях, происходящих с героями с начала 1917 года и до нашего времени. Интерес вызывает не только разнообразие ярких событий, но и человеческие взаимоотношения. Необычна и любовная линия.

© Ефимова В. В., 2015
© Городская организация Союза писателей, 2015

Содержание

От редакторов	6
Удивительная личность	7
Валентина Ефимова – женщина, победившая смерть!	8
Незабываемое знакомство!	9
Глава 1. Школьные годы Нади	11
Глава 2. Букет подснежников – на счастье	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валентина Ефимова

Букет подснежников

© Ефимова В. В., 2015

* * *

От редакторов

Мы не любим старые романы. В них – как бы это сказать – все слишком складно и правильно. Читаешь и знаешь: в какой бы ужасный переплет ни попал герой (особенно героиня), конец будет хорошим. Чтобы всем все по справедливости, в точной мере и пропорции.

По сути, старый роман напоминает об эпохе, когда Бог для нас существовал, был жив и осязаем. За это мы их на самом-то деле и не любим, старые романы. «Нежизненные они какие-то».

А если нет? А если жизнь – Бог, судьба, жребий, называйте как хотите – иногда берет и ведет нас за руку? А если мир – пусть при определенных условиях – действительно справедлив?

Эта книга, построенная на реальных событиях, как раз о таком. О том, что самые жесткие условия жизни, самые причудливые и порой несчастные обстоятельства ничего не значат по сравнению с улыбкой мироздания.

О том, что вечная заповедь «делай что должно и пусть будет что будет» работает не только для героинь Джейн Остин и Шарлотты Бронте, но и для наших современниц.

Девочка, родившаяся накануне большой войны, хлебнувшая всех возможных лишений, из всех качеств характера в первую очередь приобретает честность и непреклонность. Надя – так зовут девушку – не то что не ищет легких мест и путей, но сама идет туда, где трудно. Целина, Крайний Север...

Чтобы не знала лишений мама, чтобы не нуждались любимые дети – обычные женские цели, но далеко не рядовая сила характера.

Поначалу кажется, что ее путь – это путь мучений; дорога, петляющая и постепенно увязаящая в болоте.

А дорога вдруг закладывает крутой вираж и выводит туда, куда и мечтать не смеешь...

И тогда говоришь от всей души «спасибо»: судьбе, что вывела на свет, и немножко себе за то, что хватило сил дойти и не сворачивать.

Антон Размахнин, Наталия Занегина
(компания «НеоКорректор»), редакторы книги

Удивительная личность

С Валентиной Васильевной Ефимовой я познакомилась на литературном сайте «Проза.ру» и была поражена такой удивительной и многообразной биографией автора. Очень богатая событиями жизнь Валентины Васильевны, описанная в мемуарах, новеллах, рассказах, захватывает с первой минуты чтения.

Эта книга основана на реальных исторических событиях, происходивших с прототипами героев и в стране с начала 1917 года и до нашего времени.

Интерес вызывает не только разнообразие жизненных перипетий, но и развитие человеческих взаимоотношений.

Необычна и интересна любовная линия.

Правда жизни и события до такой степени увлекают, что оторваться невозможно.

Родилась Валентина Васильевна накануне Великой Отечественной войны, раннее детство ее прошло в военные годы, и все невзгоды и лишения тех лет она переносила вместе со своей семьей. На войне погиб ее отец. Ей с детства пришлось много работать и помогать семье.

Она была целинницей, долго работала на стройках Сибири, много училась и всегда занимала очень активную жизненную позицию, встречающуюся не так часто. Очень богатая событиями жизнь Валентины Васильевны дает почву для размышления о своем личном отношении к жизни.

Красной нитью через все ее произведения проходят отношение к семье, воспитание и настоящая материнская любовь к детям. Хотя воспитание детей зависит от обоих родителей, Валентина Васильевна считает, что основы воспитания закладываются матерью.

Поскольку я давно нахожусь вместе с Валентиной Васильевной на литературном сайте «Проза.ру», я знаю, что она пользуется авторитетом среди авторов и любовью читателей.

СП. Максимовская,

автор рассказов и стихов, художник, автор-исполнитель песен

Валентина Ефимова – женщина, победившая смерть!

Наше знакомство с Валентиной Васильевной Ефимовой случилось несколько лет назад на одном из литературных сайтов.

Вскоре я поняла, что знакомство наше совсем не случайно. Можно сказать, что мы с ней оказались землячками. Хоть и родились в разное время и в разных уголках нашей огромной страны, но волею судьбы приехали на далекий Север, в Республику Коми.

Я – с родителями, Валентина Васильевна – с мужем и детьми. И так получилось, что мы с ней ходили по одним и тем же улицам, любовались белыми ночами летом и закаляли свой характер сильными морозами зимой.

Валентина Васильевна – миниатюрная, обаятельная, с пронзительным взглядом добрых глаз, милая женщина, с удивительным внутренним стержнем, способная отстаивать свою точку зрения методом убеждения и женской мудростью.

Где бы она ни работала, какой бы пост ни занимала, везде пользовалась заслуженным авторитетом среди коллег и друзей. Обладая неиссякаемой энергией, силой воли, которой могут позавидовать мужчины, она всегда добивалась поставленных целей и решения задач.

Неравнодушная к проблемам людей, Валентина Васильевна всегда готова прийти на помощь, помочь советом или делом.

Во многих уголках и районах страны пришлось побывать Валентине Васильевне, поднимая народное хозяйство и осваивая целину, довелось строить в тайге новые города и прокладывать линии газопровода.

Когда со здоровьем Валентины Васильевны случилась беда, она ни минуты не сомневалась, что сможет выйти из больницы! Только благодаря своему мужеству и стойкости эта миниатюрная женщина победила смерть и вернулась к своим родным, а чуть позже и к коллегам по работе!

Обо всем этом, уважаемый читатель, вы прочтете в книге, которую держите в руках.

Книга Валентины Ефимовой ценна тем, что она рассказывает о событиях, непосредственной участницей которых была сама, с присущей ей высокой самооценкой и женским восприятием. Потому и читаются все описания происходящего на одном дыхании и с большим интересом, что здесь отражены наиболее яркие страницы определенного периода истории нашей страны.

Уверена, что эта книга найдёт отклик в душе читателя. Это подарок для широкого круга людей, неравнодушных к истории России.

*С безмерным уважением к автору, писательница и поэтесса
Татьяна Микулич*

Незабываемое знакомство!

В жизни каждого человека происходят взлеты и падения, обычно их называют испытаниями, которые посланы ему Богом. Жизнь-судьба определенного человека, зависит от того, как преодолеет он их, как будет взбираться на вершину человеческого счастья, который называется: дом, семья, дети.

Книга Валентины Васильевны «Букет подснежников – на счастье» состоит из отдельных семи глав, в которых она поделилась воспоминаниями о своей жизни и жизни близких друзей на протяжении прошлого века. В основном это, можно смело сказать, «семейная сага». Тяжелые испытания выпали на долю Нади Истоминой. Букетик подснежников, брошенный незнакомцем в окошко вагона, перевернул жизнь героини, навсегда оставил светлый след в ее памяти, согрел в холод и светил в пасмурные, трудные дни.

Родилась Надя в сороковые-роковые, так характеризует она ту эпоху. Через год после рождения началась война. Горько было читать строки, когда ее мать вынуждена уезжать, оставлять детей, чтобы привести продукты.

Дочь оставалась за старшую и делала все, чтобы сохранить младших и стать опорой для семьи. Трудолюбивая девочка научилась делать абажуры, продавала их, чтобы накормить младших.

Валентина Васильевна одна из авторов, чьи рассказы притягивают своей добротой, простотой и душевностью.

Жизненный путь писателя очень сложный, она прошла тяжелую школу жизни, но не озлобилась, ее рассказы похожи на разноцветные ленточки, все они светлые, только оттенок у некоторых чуть потемнее.

Юность Надя Истомина провела в Казахстане на целине, куда отправилась по призыву правительства СССР. «Колокольчик», «Звоночек» – так называли ее ребята-целинники.

Перечитывая рассказы, я завидую тем, кто работал с ней рядом. Как не хватает в наших коллективах человека, доброта которого растапливает лед, сплавливает людей.

Смерть брата она спрятала в глубине сердца, любовь к брату, который боготворил сестру, и от этого еще тяжелее для нее потеря и воспоминания.

А какой была она замечательной дочерью, как любила и уважала свою маму: не осуждает, что вышла замуж, нет ни слова – зачем родила столько детей, не произносится слово – мать.

Есть моменты, которые тяжело читать, особенно поразила встреча с волками. И тут убеждаешься, Бог спас ее, значит, он есть, он наблюдает за Надей Истоминой, ставшей Зарецкой, а также и за нами в самые трудные минуты, помогает их преодолеть.

Уже повзрослевшая женщина приезжает в Вуктыл, и здесь она становится любимицей треста. Занимая руководящие посты, героиня доказала: что не место красит человека, а человек – место. Встречи с людьми, которые близки и дороги, вызывают разные ассоциации, человек мог избрать другую судьбу, более спокойную.

Уже в 46 лет героиня находит в себе силы окончить институт, добросовестно выполняет задания, учится и может стать примером для молодежи. В любых условиях, если человек запрограммировал сделать себя лучше, умнее – он сможет.

Главное, не отказываться от принципов. Ее кипучая энергия не остывает.

Прочитав книгу, убеждаешься: жизнь пройти – не поле перейти, человек прошел трудный путь.

Красной нитью через всю книгу проходит её мудрое воспитание троих детей. Она любит своих детей, но не слепой любовью. Для каждого является настоящим другом. Старается раскрыть ребёнка, его возможности и умело готовит детей к будущей непростой жизни.

Особенно в годы перестройки. Она не растерялась. Начала искать выход. Учить детей жить в новой реалии. Это вызывает большое уважение к матери, умеющей правильно организовать детей. Её цель была одна – научить детей работать, не бояться трудностей. И Надежда Васильевна Зарецкая эту цель удачно достигла.

Всё это вызывает огромное уважение к главной героине. Бог вознаградил ее светлым женским счастьем на склоне лет.

Каждый найдёт в книге для себя что-то важное и ценное. Желаю читателям приятного прочтения.

*С особой любовью и глубочайшим уважением к автору,
Дария Джумагельдинова – писательница, поэтесса, член Союза российских писателей*

*Любимой моей мамочке Ефимовой Галине Александровне
посвящается*

*Мать – единственное на свете Божество, у которого мы всегда
в долгу.
Э. Легуве*

Глава 1. Школьные годы Нади

Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное.

Платон

Первое сентября 1947 года. Надя Истомина идет по улице с мамой и вся светится счастьем.

Счастье началось с шести утра – когда лучик солнца блеснул в окошки их маленького саманного домика из двух комнат. Легко вскочив с кровати, Надя в одной рубашке выбежала на крохотное крыльцо – и вдруг по-новому увидела себя и все вокруг. То же чистое лазурное небо, та же зелень, те же налившиеся соком яблоки и груши в саду – а Надя уже другая. Без пяти минут школьница! «Какое счастье, – не переставая, мечтала Надя. – Я сегодня сяду за парту, буду учиться только на пятёрки. Хочу знать много, как наша тётя Тоня».

Умывание – скорее! скорее! – завтрак, в косы вплетены парадные розовые ленточки... И вот Надя гордо идет с мамой вниз по улице. Смотри, поселок Октябрьский, пригород рабочего города Краматорска, смотрите, окрестные горы – первоклассница идет.

Почти вприпрыжку; в новом темно-синем платье, в белом штапельном фартучке – просто загляденье, любитесь мама, несущая цветной ранец. У дочки ноша важнее – сильно пахнущий букет алых роз. «Я иду в школу, в школу!» – с особой гордостью думает она. Она бесконечно счастлива.

– Анна Семеновна, какие вы обе красавицы! – ахают встречные.

И Надя любитесь на маму. Какая же она нарядная: светлое платье с тонкой отделкой из черного атласа струится вокруг тонкой фигуры, на маленьких ножках – модные туфельки на высоком каблучке! Шелковые локоны, черные как смоль развиваются на легком ветру и необычайно красиво ложатся на плечи. Вот только почему-то слезинки на ресницах – как зеркальные зайчики сияют и искрятся в лучах солнца.

Надя никак не может понять, почему мама плачет.

Лишь годы спустя осознала: это были слезы радости и печали одновременно.

Радостно было от того, что самое страшное позади: закончилась война, и вот Анна Семеновна уже вторую дочь ведет в первый класс, но в то же время эту радость не может с ней разделить погибший на фронте ее муж, Василий.

И в это чудесное утро перед глазами Анны Семеновны пронеслось все ее безрадостное детство.

25 марта 1917 года – не лучшее время для девочки, чтобы появиться на свет в России. Бедное и трудное детство почти гарантировано. Даже если девочка родилась в зажиточной интеллигентной семье.

Ни папа – Семен Георгиевич Назаревский, харьковский дворянин, сын греческого еврея, в родне музыканты, скульпторы, художники – ни мама, Анна Дмитриевна Пономарева из интеллигентной русской семьи учителей и священников Московской губернии – не думали, что все обернется вот так. Что не будет у них скоро ни земли, ни положения, ни достатка, что в голодном и страшном начале 30-х они погибнут. Что их девочки Антонина, Евгения и Анна после их гибели разойдутся по родственникам...

* * *

В свои пятнадцать Анна Назаревская – токарь, только что окончившая фабрично-заводское училище. Детства ей, как и многим ее сверстницам, было не положено. И не только детства, но даже и отпуска: первая пятилетка, еще не принята конституция, по которой «человек

всегда имеет право...». На «побывку» к старшей сестре в Харьков – только после того, как разболтанным станком раздробило мизинец. Тут уж отпустили – на целых двадцать дней.

Знать бы – так лучше бы и не ездить, хотя судьба, наверное, не зря сложилась именно так. В Харькове познакомилась с другом семьи, красавцем и душой компании. Любовь такой силы, как бывает только в юности. «Распишемся?» – и взгляд в глаза. Черное утро, когда сообщили – погиб. Для нее – еще чернее, чем кто-либо мог предположить: Аннушка уже ждала ребенка. Косые взгляды и унижения – в семнадцать лет! Не замужем!

Девичество с легкими платьицами, подружками и свиданиями оказалось так же «не положено» Аннушке, как и мирное детство. Мужчины? Замуж? Какое там... Маленькая Вера, пеленки, работа, сон урывками...

Иногда сестры даются человеку затем, чтобы резко поворачивать его судьбу. В Енакиево, в гостях уже у младшей сестры – Жени, Аннушка увидела Василия Истомина. На четверть цыган, на остальную часть широкой своей души – украинец; молодой, общительный, веселый. Необыкновенной жизненной силы сероглазый парень. Тогда не в моде были красавцы, Василий Истомин и не был красив – скорее, такой душа компании. Певец, танцор, всегда первый на вечерах в клубе.

Он влюбился в Аннушку с первого взгляда. На первых же танцах поклялся себе – больше не отпустит. И не отпустил, они поженились через год и несколько месяцев. Его родители были категорически против: у нее ведь уже ребенок! Маленькую Веру Истомин удочерил, а через год на свет появилась Надя.

Когда Анна Назаревская была счастлива?

Наверное, вот в те короткие несколько лет – в красивом и уютном домике, с любимым мужем и дочками. До того июньского утра, когда началась война.

Вася ушел на фронт добровольцем в первый же день. Хотя ему предлагали бронь от завода. О «своих девочках» похлопотал, они (Василий был уже на фронте) уехали в безопасное Зауралье.

Что такое «трудно жить», Анна поняла только в поезде, на пути в эвакуацию. Беременная, с шестилетней Верой и годовалой, болеющей Надей. Томительные, бесконечные перегоны, стоянки то на станциях, то почти что в чистом поле...

Как-то на рассвете всех пассажиров разбудил страшный грохот и резкое торможение – перед составом разорвалась бомба. Кто был на верхних полках – попадали вниз, а Истоминым повезло, они спали на нижней. Пока стояли, Анна пошла набрать воды, оставив Надю на попечение старшей Веры. Вернулась – и не нашла детей на месте...

Как она кричала, как искала между вагонами и под ними, как спрашивала у всех – не видели светленькую годовалую девочку в розовом платьице? Господи, куда же могла деться, что же случилось? В обморок упала только тогда, когда Надя нашлась – до этого держалась.

Оказалось, Вера просто убежала играть к ребятам-сверстникам на другой конец вагона, а мимо Нади проходили ребята постарше. «Брошенная! Надо спасать!» – решили. И отнесли малышку к своей маме. До конца поездки Анна просто не выпускала младшую дочь из рук – тем более что у девчушки, видимо, после испития сырой воды, сильно болел живот.

Несколько дней в поезде показались нескончаемыми, но в конце концов все-таки приехали. Казахстан, Павлодарская область. Работать – на эвакуированном военном заводе токарем. Двенадцать-четырнадцать часов ежедневно – но зато рабочая карточка, то есть голодать не придется.

Схватки начались прямо у станка – заводской врач и медсестра удачно приняли роды. К двум дочкам добавился, наконец, сын – как они с Василием этого хотели!

С новорожденным на руках Анна вошла в юрту – и услышала за спиной мощный гул и треск. В том самом цехе, где она была еще полдня назад, раздался взрыв.

Много людей погибло – знакомых, уже почти родных, ставших близкими за последние жуткие месяцы. Могла бы и сама Анна быть там в тот момент. Но крохотный мальчонка, лежавший сейчас у нее на руках, в первый же день своей жизни спас всю семью: и себя, и маму, и старших сестер от гибели или сиротства.

Людей в их юрте вскоре прибавилось: Анна взяла под опеку десятилетнюю сиротку Тамару, мама которой погибла при том взрыве, и пятилетнего Володю. С ними жила Евдокия Ивановна, пожилая женщина, и бабушка Володи.

Чуть ли не первое, что Надюша запомнила в жизни: юрта с подслеповатым узким окошком, дети одни дома, мама на работе. Стук в окно. Рев. В окошко видно – что-то страшное, огромное, с когтями! Визг, крик, дети прячутся под стол. Надя – хотя ей всего три года, – грозит чудовищу детским кулачком. И страшно, и гордость – сама, сама встала против неизвестного, не боится! Мама, вернувшись, обняла и рассмеялась: «Мальчишки баловались»...

И настала, наконец, та самая светлая майская ночь – со словами по радио: «...Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии», с высыпавшими на улицы радостными людьми. Победа означала возвращение домой. Из степи – в родной Краматорск, из юрты – в уютный дом. Вместе с Анной Семеновной обратно едут трое родных детей, а также сиротка Тамара и пожилая женщина, Евдокия Ивановна. Володя уехал со своей бабушкой к себе на родину, в Ленинград, – расставаясь с ним, Анна Истомина плакала.

Хоть и дома, но жизнь оставалась трудной и голодной. Наверное, про счастье Надина мама тогда и не вспоминала – до того ли, слишком много вокруг горя.

А у Анны Семеновны был особый дар – ощущать чужое горе острее, нежели свое; этот дар она передала и своей дочери Надежде.

Соседку, например, взять, Катю: как-то раз перестала выходить из дому; хорошо, Анна хватилась. Оказалось – та чуть не умерла от голода, обессилела. Анна сбегала домой, принесла молока, заготовленного для маленького сына, и хлеба.

– А что же будет кушать мой братик? – удивилась тогда Надя.

– Надюша, никогда не оставляй человека в беде, особенно, если это касается его жизни; без сожаления отдай последнее.

Соседку тогда выходили – хорошо, козочка для молока была своя, Зинка. Катя говорила: будет всю жизнь молиться о здоровье Анны Семеновны. Надя видела, с какой любовью относились к маме люди, это было очень приятно, и она ею всегда гордилась.

* * *

Украина, богатый хлебный край! Как же получилось, что после войны на этой земле был такой лютой голод? А голодали свирепо, вымирали целыми домами, почти как в блокадном Ленинграде...

В эти страшные несколько лет у Анны Истоминой, которая после гибели Василия осталась за главную в доме, был на руках целый детский сад: еще подросток Вера, маленькая Надя, сыночек Дима, сиротка Тамара и бабушка Евдокия Ивановна.

Да еще старшая сестра Анны Семеновны Антонина оставила своих сыновей: Мишу и Толика на время, пока у нее не решится квартирный вопрос. Ее-то дом во время войны был разрушен...

Чем жили? Во-первых – пенсией за погибшего мужа. Иногда семье выпадали посылки из-за рубежа – с одеждой, мылом и консервами. Особенный праздник был, когда в посылках были сладости: леденцы, пряники и печенье. Ну а третий и главный источник средств для выживания – «хочешь жить, умей вертеться». Анна Семеновна крутилась как белка в колесе – так же активно, как делала все в жизни.

– Надюша, запомни, – говорила, – кто рано встает, тому Бог подает. Если хочешь хорошо жить, нужно много трудиться!

Например, можно было возить продукты из Украины к родственникам на Урал, где было еще голоднее. Семечки, горох, кукурузу. Закупишь в селе под Краматорском, погрузишься с Надей в поезд – и в город Чусовой, к младшей сестре Евгении.

На Урале Анна Истомина продукты продавала, а чаще меняла на одежду, мыло, постельные принадлежности. Все это привозилось в Краматорск, там снова реализовывалось или менялось на хлеб, продукты – и снова на семечки, горох, кукурузу...

Кончилось печально: в одной из поездок Анна Семеновна подхватила брюшной тиф и вдобавок крупозное воспаление легких. Сняли с поезда, положили в больницу в Харькове. Надя, ее дочь, добралась домой самостоятельно и рассказала о беде тете Тоне. Анна же пришла в себя только через сорок дней в больнице.

Когда взглянула в зеркало впервые после болезни, не узнала себя: а где ее длинные роскошные волосы, которыми так многие восхищались?

Анна Семеновна, вернувшись домой, хотела взять на руки Диму, но он забился в угол, надулся и стал реветь. Он просто не узнал маму, которая тоже расплакалась:

– Сынулечка мой родной, солнышко мое, это ведь я, твоя мама! Ну, иди ко мне, не бойся!

Только тогда, по голосу, Дима признал маму. Она обхватила его, взяла к себе на колени, и, обнявшись, они долго плакали.

– Мамочка, – сквозь слезы проговорил Дима, – где же ты так долго была? Я тебя ждал и ждал, а ты все не приходила!

– Родной мой, прости меня, я уже дома, я больше никогда не буду вас надолго оставлять, – целуя малыша, приговаривала мама.

Надя, пока мама болела, успела съездить на Урал с тетей Тоней. А когда все вернулось на круги своя, снова Анна Истомина помогала всем, кто остро нуждался. Приводила во двор несчастных, голодных, почти умирающих людей, кормила их; бездомных поселяла в бесхозных соседских постройках.

«Необыкновенной души женщина», – говорили все соседи. Надя гордо смотрела на маму и думала: «Несомненно – это так!»

* * *

И вот – первый звонок. Возле школы – шумно и празднично. Стройная фигурка мамы скрылась за поворотом, открылись школьные двери, и Наде казалось, что сердце вот-вот выпорхнет из груди.

А вот и классная комната. «Садись за первую парту, ты же самая маленькая!» – так потом чаще всего Надя и сидела, за первой партой в среднем ряду; незаменимое место для того, кто умеет подсказывать одноклассникам у доски, а у Нади это ловко получалось.

– Здравствуйте, дети, меня зовут Ангелина Борисовна! – первую учительницу, конечно, запоминаешь на всю жизнь. Была она статная, строгая, всегда аккуратная и красивая.

Читать и писать Надя к началу школы не умела – как большинство ее подруг-первоклассниц (в школах тогда было раздельное обучение, и с Надей учились только девочки). Зато считала хорошо – спасибо поездкам с мешками на Урал и постоянному пересчету денег. Учиться нравилось, так что скоро нагнала письмо и чтение; а природная общительность помогла освоиться в классе.

В первом классе это не так сложно, особенно если есть возможность и желание делиться: мама часто давала на обед какие-нибудь вкусные бутерброды, и большую часть их Надя отдавала девочкам, которые жили очень бедно и нередко приходили на уроки голодными...

«Перед лицом своих товарищей торжественно обещаем...» – пятого октября 1947 года всех первоклассниц построили на линейку и торжественно приняли в октябрята. А через полгода – 19 мая 1948 года, в День пионерской организации – в классе появились пять первых пионеров, из числа отличниц. Надя была среди них. И снова – почти бессонная ночь перед линейкой; мама учит, как повязывать галстук; звучат над школьным двором торжественные слова пионерской клятвы, а над майскими улицами одуряюще пахнут грушевые сады. Помимо галстуков, девочкам раздали похвальные грамоты...

Домой Надя, как ей казалось, не шла, а летела на крыльях, на груди у нее алел красный галстук, а в руках она вначале сжимала, как драгоценность, похвальную грамоту, затем положив ее аккуратно в ранец. В этот день она была так же счастлива, как и во время первого школьного звонка, – бесконечно счастлива.

Мамы дома не было – была старшая Вера.

– Надя, что с тобой, ты чего так улыбаешься? Тебя приняли в пионеры?

– Да! – с гордостью ответила она и достала из ранца похвальную грамоту.

То, что произошло секунду спустя, Надя так и не смогла понять никогда. Простить – тоже до конца не смогла. Вера выхватила грамоту и в одну секунду изорвала ее в клочки. Надя впервые заплакала – от обиды. То, что сделала ее сестра, было намного больше, чем постоянные тумачи, достававшиеся от нее.

Может быть, потом Надя сможет это понять, но забыть такое точно не получится...

Вера, родившаяся в 1935 году, была довоенный ребенок, она успела подрасти еще в мирное время. Здоровая, упитанная, симпатичная девочка с курносым носиком на симметричном лице, с карими глазами и черными, как у мамы, волосами. Надя же – дитя войны – худенькая, невзрачная, настоящий «гадкий утенок». Но в школе все было наоборот: памяти и упорства у Веры не было совсем, а уж Наде, кажется, этих качеств досталось за троих – и энергии, и памяти, и любознательности.

* * *

Наде нечасто снились красивые сны, но в это июньское утро 1948 года сон был такой красочный и явственный, что почти не отличался от реальности. Как и все такие сны, он пришел под утро, и Надя долго не вставала, пытаясь его досмотреть.

...Стоит ясная погода, небо чистое, но в комнате темно и сыро. Сначала Миша, двоюродный брат, слегка подпрыгнул и улетел через окошко, затем поднялся Толик, а она села к мальчишке на спину, решила с ним полететь. В этот момент форточка закрылась, а девочка осталась, и в доме стало как-то очень сыро и уютно...

Неуютно было вставать, непонятно, что должно было случиться, но сомнений не было: что-то надвигалось. Небосвод заволочло тучами, моросил мелкий дождь. К обеду он перестал, но небо по-прежнему было пасмурным и каким-то зловещим.

Ближе к вечеру во дворе раздались шаги. Вошли двое: пожилая женщина и мужчина, у которого вместо правой ноги было какое-то деревянное приспособление, а в руках палка с закругленной ручкой. На нее он опирался при ходьбе.

Надя ожидала обычного в те годы: «Помогите инвалиду войны!». Но, к ее неприятному удивлению, неожиданные гости прошли прямо в дом. Оказалось, эта женщина жила на соседней улице, а человека привела, чтобы познакомить с мамой. Да, он – калека, с не самым приятным даже на вид характером. Но и Анна Семеновна – пусть всего лишь немного за 30, но уже с тремя детьми. Вокруг столько незамужних девушек – куда уж там быть «переборчивой», а мужчина в доме нужен, как без мужчины...

Как-то поздно вечером Надя увидела, как этот чужой человек – который с первого же взгляда ей не понравился – держит ее маму на коленях и о чем-то с ней воркует. Она легла

в постель, завернулась в одеяло, но уснуть не могла, лежала как будто в забытьи... Что же? Как же? Ведь это ее мама, неужели вот сейчас этот незнакомый мужчина отнимет ее любовь? Заснула, но некрепко; за ночь несколько раз просыпалась и вздрагивала от ужасных предчувствий. Утром оказалось – заболела и несколько следующих дней лежала в постели. Пыталась забыться и не могла, думала: неужели вот так и кончится ее счастливое детство? И будет испорчена вся оставшаяся жизнь?

Увы, кажется, сбылось: старая жизнь закончилась стремительно. Инвалид окончательно поселился в доме, и за несколько месяцев «гнездо» почти опустело. Уехали мамины племянники Миша и Толя, их мама – родная сестра Анны Семеновны, Тоня – перестала общаться с родней. Больше Надя не видела их никогда в жизни. Ушла Евдокия Ивановна, покинула дом Тамара. Они остались одни.

* * *

Через год, в конце июля, Надин отчим впервые устроил настоящий скандал. Выпив, орал страшным голосом, гонял ее маму вокруг дома – беременную, на последнем месяце. Разняли соседи. Надя видела все от начала до конца – и, как и все крупные обиды, никогда не могла забыть. С тех пор она не просто не любила отчима, но и прямо ненавидела. С трудом могла заставить себя есть с ним за одним столом.

В тот вечер детство для Нади окончательно закончилось. Началось безрадостное отрочество.

23 августа 1949 года родился Максим – четвертый в семье. Симпатичный, спокойный, забавный. Сестренка его полюбила и с удовольствием с ним нянчилась.

* * *

Начались годы скитаний. Сначала уехали за лучшей долей из Краматорска под Брянск, в поселок с красивым названием Белые берега. Но не протянули там и года: даже сейчас этот край небогат, а тогда там была откровенная нищета.

Потом вернулись обратно на Донбасс, в поселок Новый Свет города Краматорска. Семье выделили участок, потихоньку построили домик из шлака с цементом и песком. Всего четыре комнатки, с земляным полом и небольшой деревянной верандой. Пока строились, жили в крохотном саманом флигеле рядом. Но сразу же – еще не был готов дом – Анна Семеновна посадила на участке фруктовые деревья: вишни, сливы, абрикосы. Не только красиво, но и свой урожай – подспорье при тогдашней небогатой жизни...

Вот уже родился и пятый ребенок через год – Артем.хлопоты, беготня, нищета... с каждым годом накапливающаяся бедность. Пенсии никак не хватало на жизнь, стали заниматься кустарничеством. Анна Семеновна взяла патент, и вот уже вся семья делает из гипса всевозможные копилки: кошек, собачек и прочих зверьков, которых хорошо раскупали. Надя – рядом: помогает раскрашивать.

Продавать по выходным ездят в соседний город Славянск. Там рынок большой и шумный, называется колхозным. А главное для Нади – там не попадетсся навстречу никто из школы. Не засмеют, не будут потом издеваться над «торговкой». Продают товар в четыре руки: мама на одном конце базара, а Надя – на другом. У дочки выручка почти всегда больше. Но вот поесть удается не всегда: часто обе остаются до вечера голодными.

Кроме копилок, хорошо идут вязаные скатерти, и вот Надя с мамой сидят со спицами. Набивают и ковры из байковых одеял масляной краской с помощью трафарета: тоже огромный спрос.

Наде – уже двенадцать лет, она работает умело и быстро. Мама часто говорит:

– Молодец, Надюша, какая ты у меня умница! Что бы я без тебя делала?

И когда мама так говорит – проходит Надина усталость, девочка хочет работать еще лучше и быстрее. Вот только времени в сутках так мало.

Гулять, бегать по улице – совершенно некогда. Впрочем, ей уже и не особенно хочется.

* * *

С новой школой тоже повезло: дружный класс не только принял ее, но и оценил, и вот Надя Истомина – уже звеньевая, чуть позже председатель отряда. Ответственно, почетно! Главная привилегия «начальства» – постоянная помощь одноклассникам по многим предметам, особенно по математике. Вела этот предмет Антонина Ивановна – женщина, про которую, качая головами, говорили: «Строга, строга! Но справедлива». Надю она любила, но очень по-своему: чаще других спрашивала на уроках, ругала и снижала отметки за те недочеты, которые прощала остальным.

– У тебя способности к математике, с тебя и спрос другой! – объясняла ученице.

Способности – хорошо, но к ним нужно еще время и силы. А их становилось все меньше. С шестого класса Надя учились во вторую смену. Но это еще полбеда, а вот то, что мама с отчимом почти каждый день шли торговать на рынок и возвращались слишком поздно, чтобы Надя могла успеть в школу, было действительно затруднительно. Маленьких-то нельзя было оставить дома без присмотра!

Старшая сестра, Вера... Она уже давно не была подспорьем. Каждый день уходила утром рано, возвращалась за полночь. Школу бросила в шестом классе – надоели попреки, сравнения с младшей сестрой. По вечерам Веру ходили искать – мама, Надя и Дима. Маленький, всего десять лет, а все-таки мужчина, защитник. Идут по улицам, по аллеям, по дорожкам парка – и все хоть какой-то отдых, хотя и без сна.

И вновь через год – еще один братик, Сергей. Капризный, не дающий вздохнуть всему дому. Но что поделать. «Главная хозяйка» в семье, Надя берет его каждый вечер на руки, Артему держит левой рукой, а правой пишет, пишет нескончаемые домашние задания.

А потом – спать? Нет, делать абажуры: мама с Димой делали для них каркасы, а Надя набивала на кальки рисунок. Получалось интересно и красиво, шли они по 8–10 рублей за штуку – там же, в Славянске, по выходным. От дома туда – 15 километров, в автобус иногда не влезешь, так что большую часть ходили туда и обратно пешком.

* * *

Шестой класс – всегда не самый простой для школьника. Но для Нади – особенно: мало того, что вторая смена, так еще и отчим продолжал каждый день напиваться и буянить.

Если еще у калитки раздавалось: «А, так я – дурак, я – дурак?!», то можно было не сомневаться – дальше почешет матом вглубь и вширь, может и ударить – глупо и страшно. Анна Семеновна и Надя работали, а он орал до глубокой ночи, засыпая только к утру. Находиться с ним под одной крышей для девочки было пыткой.

Да что там ночью: мог оглушить матерщиной и за обеденным столом. В такие моменты Надя вскакивала из-за стола и бежала со двора в укромное место глубокого оврага, который находился недалеко от их дома. Там можно было в одиночестве поплакать – от жгучей боли и обиды за маму, за себя, за всю их поломанную жизнь.

Как-то раз Надя сидела в своем укрытии и вспомнила, как тетя Тоня рассказывала ей о немцах в Краматорске. При фашистах тетю Тоню дважды могли расстрелять.

– Они, Надюша, к обрыву тогда согнали всех евреев, коммунистов и советских работников. А я же директор школы, ну и за еврейку тоже можно принять. И вот поставили нас

в шеренгу, считают по порядку до пяти, потом каждого пятого заставили сделать шаг вперед, к самой кромке оврага. Остальным приказывали разбежаться, а этих расстреливали, так они и падали в яр.

В первый раз тете Тоне повезло – она оказалась четвертой. Но при следующей облаве уже не посчастливилось: там расстреливали уже каждого третьего.

– Меня поставили к обрыву, и я чувствую – ну все, конец. Сейчас убьют. И, знаешь, как сердечный приступ со мной случился прямо за секунду до выстрела. Я свалилась в яму. Прихожу в себя – на мне тело лежит, меня кровью всю облило. Лежала так до глубокой ночи, потом еле выбралась из оврага. Хорошо, никто этот овраг не охранял.

И что ночи темные на Украине – тоже хорошо. И что уберегли – не Бог, так ангел-хранитель. Но – так или иначе – уберегли. Домой тетя Тоня вернулась полностью седой – тридцатипятилетняя и заново родившаяся. Дети не сразу ее узнали...

Все это вспоминала в овраге Надя, и чем дальше задумывалась, тем больше высыхали слезы на ее лице.

Ну уж нет, не такое у нее горе, чтобы сокрушаться. Надо брать себя в руки – многим приходится еще труднее. Нужно быть сильной!

* * *

В седьмом классе на учебу времени стало совсем мало. Настолько, что в конце учебного года Надю могли оставить на второй год. Но обошлось – педсовет учел, что Истомина Надежда, хоть и редко посещала занятия, но училась хорошо.

Ей достаточно было прослушать на уроке или прочитать задание один раз, и она уже могла хорошо ответить. А самые сложные задачи по физике, математике решала, как ни странно, во сне: ночью прочитает задания, проснувшись, записывает ответы в тетрадь. Математические задачи она нередко решала несколькими способами, так что много времени для учебы ей и не нужно было.

Однажды ранним летним утром Надя заметила: мама с отчимом и грудным Сережей куда-то собрались. Оказалось – в Москву, на три дня.

– Бабушка Нина обещала нам дать швейную машинку, нужно купить краски и кальку, – мама поцеловала Надю на прощание. – Вот тебе 25 рублей на питание, думаю, вам хватит, пока мы не приедем.

Но три дня растянулись на полные две недели. Все это время 13-летняя Надя была одна на хозяйстве. Диме было 10 лет, Максиму четыре, Артемке два года. Старшая сестра Вера жила уже в Енакиево, у тети Жени – в том самом доме, где когда-то родилась Надя. На все про все у начинающей хозяйки было 25 рублей – и пять готовых каркасов для абажуров. Тогда Надя вспомнила: не так давно в Славянске на рынке она видела красивые абажуры из креповой бумаги, смотрелись они изумительно. Еще в тот раз она их внимательно рассмотрела и поняла, как это можно повторить. По счастью, бумага стоила недорого: два рубля за рулончик, из которого можно сделать два абажура и еще чуть-чуть оставалось на украшение.

И вот Надя купила несколько рулонов, Дима наделал каркасов – началась настоящая работа. Первую партию абажуров до Славянска не довезли – накинулись и раскупили соседи, каждый по десять рублей. Первый заработок Надя потратила на тапочки всему семейству – ни ей, ни ребятам уже не в чем было ходить. Малышам купила трусики, а Диме – простые брюки. Это, конечно, не считая еды. Когда мама наконец приехала, в доме были и продукты, и несколько готовых абажуров, и еще денег оставалось рублей двадцать!

– Аня, видишь, какая у тебя дочь! – улыбалась соседка тетя Нюра. – Управилась с детьми лучше, чем ты сама, денег ни у кого не занимала.

– Да, Нюра, я и сама удивлена, оставляла ей на эти две недели только двадцать пять рублей! – мама дочерью явно гордилась.

Примерно через час после этого разговора Надю пробил озноб, поднялась температура. Что это было – не знал никто. Попросили старушку с соседней улицы, та пришла и что-то нашептывала над девочкой, кропила водичкой. Надя быстро уснула и проснулась здоровой.

– А очень просто, – говорила знающая старушка. – Перехвалили малость девчурку-то. Сглазили!

* * *

На новый 1954 год сыграли свадьбу Вере. Старшей сестре было уже восемнадцать, ее жених – Игнат Яровой – на пять лет старше. Молодожёны были необычайно красивой парой, особенно невеста отличалась изумительной красотой.

Надя же запомнила не столько саму свадьбу, сколько приключение, с которого она началась. О том, что Вера хочет выйти замуж, она рассказала, приехав под Новый год домой из Енакиева – к тому времени она уже долго жила у тети Жени.

– Есть человек. Хороший, работающий...

Причин отказывать у Анны Семеновны не было... Сообщить о согласии в Енакиево отправили, однако не Веру, а Надю – мама посчитала, что так надежнее.

И вот – обратная дорога из Енакиева. Ехали вместе с тетей Женей и счастливым женихом Игнатом. Пассажирский поезд, который останавливается на каждом полустанке. Надя незаметно – дело было к ночи – задремала. И проснулась только от того, что кто-то ее как будто тряс за плечо, будил.

Осмотрелась – вагон почти пуст. Родственников рядом нет.

– Скажите, пожалуйста, где мы находимся? – спросила у проводницы.

– Мы проехали уже Краматорск, прибываем к станции Шпичкино. А времени – без четверти два.

– «Дня или ночи» – глупый, со сна, вопрос.

– Ночи, конечно!

Не дожидаясь остановки, прыгнула на ходу. Вокруг – кромешная тьма, вдали густые облака дыма от доменных печей обволокли небо. Поразмыслив, решила: надо идти по шпалам до вокзала Краматорска, это семь километров. Думать о маме было страшнее всего: «Родственники-то уже добрались до дома, как же она сейчас волнуется за меня!»

Этот участок – от станции Шпичкино до центрального вокзала Краматорска – никогда не считался приятным или хотя бы безопасным. Случалось, в этих местах всякое. Оно и понятно – освещения почти нет, по одну сторону от путей корпуса завода, по другую – извилистая гора шлака. Надя не шла – бежала по шпалам.

Не чувствуя страха, только беспокоясь за маму. Вот и вокзал, вот и поворот на свой поселок. Впереди – мост через реку Торец и лесопосадки. Где бежать? Конечно, по неосвещенным тропинкам – так безопаснее.

Пробегая мимо своей школы, Надя заметила: за ней ускоренным шагом движется какой-то мужчина. Девочка прибавила скорости и значительно оторвалась от него – не зря в школе была лучшей бегуньей. Прибежала домой – всего-то через двадцать минут после прихода гореводственников. Мама была вся в слезах...

– Мамочка, ну что ты так разволновалась, ты же знаешь, что я у тебя бесстрашная дочь, ничего и никого не боюсь и, кроме того, очень быстро бегаю, – целовала, успокаивала. Рассказала про то, как шла по шпалам – еще раз напугала до слез. Про догонявшего мужчину уже смолчала – пора и спать, хватит на сегодня волнений.

Надя очень любила свою маму, в восьмом классе она посвятила ей стих:

*Мама – это первое слово,
Которое сказала я,
И не забуду, пока буду жива!
Я люблю тебя, моя милая мама,
Сколько горя ты перенесла,
Воспитывая меня.
Вспомни годы войны,
Как горьки для тебя они,
Когда в поезде
Ты меня к груди прижимала
И горячими слезами обливала.
Теперь я учусь в восьмом,
Но не забуду об одном,
Что ты меня спасла
В грозные дни огня.
Тебе безмерно благодарна
За то, что жизнь дала ты мне!
В меня ты веру не теряла,
Поддержкой в жизни мне была!
А то, что я такую стала,
Твой дар огромного труда!
Бывали в жизни огорчения,
И трудности порой.
Меня всё это не пугало,
Ведь ты всегда была со мной!
Так прости моя любимая мама,
Если когда-нибудь,
Огорчила тебя чем-нибудь.*

После свадьбы Вера с мужем на время уехали жить в Енакиево.

Восьмой класс запомнился Наде приемом в комсомол, а девятый – «живым подарком»: по окончании учебного года родилась младшая сестричка Анечка. Не сказать, чтобы Надя была на седьмом небе от счастья, но потом, когда Аннушка вырастет трудолюбивой, спокойной, скромной девочкой, они подружатся.

Надя часто ходила из школы одна – по темноте, после второй смены, в семь вечера. На Украине рано темнеет, зато ничего нет красивее украинской ночи: отчетливо виден Млечный Путь, загадочно очерчены на небе созвездия.

Надя глядела на чарующее небо и думала: где-то там, далеко-далеко, может быть, есть жизнь. Быть может, хотя бы там она не такая безжалостная и жестокая, как у нас на Земле? Ведь здесь на каждом шагу несправедливость! Вот почему, например, некоторые ребята учатся лениво, а живут хорошо?

А те, которые хорошо учатся, зачастую живут очень бедно!

* * *

Где это счастливое детство, о котором постоянно твердят учителя? И где в нашей стране равенство?

– Никогда, никогда не выйду замуж, – обещала себе Надежда. Жизнь свою посвящу простым, бедным людям, буду помогать им по мере сил!

Когда Надя училась в девятом классе, как-то к ней подошла школьная подруга Лиля Киркач. Это была очень странная девушка: умная, строптивая, самолюбивая. Она часто говорила: «Я не девочка и не мальчик, а нечто среднее – непонятное». Любила «математически доказывать», что у нее не меньше ума, чем у мальчишек – впрочем, с ней об этом никто и не спорил.

– Надя, – сказала Лиля, – слушай. Ты часто споришь с учителями из-за того, что они несправедливо занижают некоторым ребятам отметки. Я думаю так же, как и ты... И вообще, я тоже часто задумываюсь о несправедливости нашей жизни.

Помолчала с полминуты и вдруг, неожиданно:

– Мне кажется, что мы не выполняем заветы Ленина. Может, нам стоит перечитать труды вождя, чтоб понять суть его учения?

Так две подруги решили организовать кружок по изучению работ Ленина. Звали туда только тех одноклассников, которых считали достаточно умными, чтобы немного разобраться в трудах Ленина. Лиля принесла в школу первый том, после уроков час или два штудировали красный томик...

* * *

А через два дня их повесткой пригласили не куда-нибудь, а в городской КГБ. Где находится «комитет», знали все – в поселке Октябрьском, в мрачноватом кирпичном сером здании. Надя Истомина вошла туда – и увидела еще двух друзей: Валеру Масюкова, с которым сидела за одной партией, и Лиду Груздеву.

Нет, особенного страха не было: Надя еще в шесть лет побывала в милиции. Это было на Урале, когда мама лежала дома больная, а Надя с тетей Тоней ездили торговать семечками. Проходивший мимо милиционер заметил ребенка и забрал вместе с товаром в участок.

Там девочку продержали до вечера – все допрашивали, откуда взяла семечки. Рассказ Нади вышел таким жалостным, что милиционеры угостили девочку чаем, леденцами, а вечером отвезли на квартиру. А потом еще и извинились перед тетей (она дрожала, думая про груз семечек на чердаке) за то, что так долго продержали племянницу в милиции, и за то, что племянница не растерялась, а придумала жалостливую историю, тетя зауважала Надю: «Умная головка!»

Но тут, конечно, дело было посерьезнее. Что такое КГБ, Надя примерно понимала. Та же тетя Тоня кое-что рассказывала о 1937 годе и НКВД – не при посторонних, конечно, и не громко.

– Кто организовал кружок ленинизма? – человек в сером костюме приступил сразу к делу.

– Мы все вместе и организовали! – Надины глаза были совершенно спокойны, голос не дрожал. – А что в этом плохого, если мы решили дополнительно изучать труды Ленина?

– Как ты относишься к Лиле Киркач?

– Очень хорошо, она лучшая ученица нашего класса, умная, начитанная.

– Отец Киркач Лилии приходил к вам на занятия или нет?

– Нет, не приходил, я его не видела, – спокойно отвечала Надя.

С тем – после еще нескольких незначущих вопросов – и отпустили. Но после этого допроса сомнений уже не было: нет справедливости здесь и сейчас. Ни в стране, ни в школе.

Вот Надя – учится хорошо, но в любимчиках у учителей не ходит. Зачем им, действительно, обожать девочку из бедной многодетной семьи? Тем более «скандалистку»: Надя часто вступалась за товарищей, спорила с учителями, доказывала, что они занижают отметки. Вот к ней и были равнодушны, зато подруге – дочке зажиточных родителей – как и другим богатым детям, приносившим учителям подарки, оценки порой завышали.

Например, Валя Сеницина была старательная девочка, но особыми способностями не отличалась. Контрольные по математике, физике, химии ей почти всегда решала Надя Истомина. Но мама Вали Сенициной работала продавцом в ОРСе (отдел рабочего снабжения), так что хорошими отметками Валя была обеспечена.

Но это учителя, а мир сверстников был другим, более искренним и справедливым. Или Наде снова повезло, и ее коллектив действительно был самым дружным и лучшим в школе? Вот Саша Радько, например – он пришел в девятом классе. Большой драчун, но очень справедливый, защищал более слабых ребят. Вскоре его единогласно избрали старостой класса. Как-то Санька попросил познакомиться его с Ниной Зубченко, которая училась в параллельном классе, в 9 «Б», и была Надиной соседкой. Нина была нежная, красивая девушка с длинными косами, хорошо воспитанная и скромная, она нравилась многим мальчикам.

Нине и ее младшей сестре Вале Надя по-доброму завидовала. Все дело в их маме: Наде она казалась просто святой. Их папа тоже не вернулся с войны, но тетя Маруся замуж больше не вышла, хотя ее не раз сватали: не хотела подвергать своих дочерей переживаниям и страданиям.

– Если придется выйти замуж и иметь детей, – говорила Надя звездам, возвращаясь вечером домой, – никогда не позволю, чтобы мои дети жили с отчимом!

* * *

«Нет уз святее товарищества», – учили школьники наизусть. Если бы Надя Истомина тогда читала Цицерона, то согласилась бы и с тем, что «в мире нет ничего лучше и приятнее дружбы; исключить из жизни дружбу все равно, что лишить мир солнечного света». Это было так, и дружба делала мир прекрасным.

Друзья – это значит, ни минуты времени в одиночестве. На переменках – постоянно вокруг свои: кто попросит рассказать следующий урок, кто без затей «стрельнет» тетрадку – списать. А еще – девчонки просили отгадывать сны. Почему-то Наде легко это давалось. А еще она умела иногда угадывать номера экзаменационных билетов. Самой-то Истоминой номера были не нужны – и так знала билеты, но вот друзьям писала и писала шпаргалки на всех экзаменах. Как правило, она уходила с контрольных работ последней, – когда все «подопечные» закончат. Так что всеобщая любовь и популярность Нади Истоминой были вполне объяснимы... Через много лет школьные товарищи вспоминали – Надю, которая так бескорыстно всем помогала!

А еще – спартакиады: Надя участвовала во всех, потому что была отличная бегунья. Первое место брала не только по школе, но и по городу.

* * *

И вот наконец 25 мая 1957 года – волнующий день. Такой же солнечный, как и первый день Надиной школы. Снова пахнут над Краматорском цветы, снова в школу идут празднично одетые ребята – уже совместно, и мальчики, и девочки. Рядом с Надей – брат Максимка, окончивший первый класс. Для Нади этот звонок – последний.

Вот отзвенела речь директора, всплакнули учителя, поздравили родители... И пошло братание – выпускники дарили первоклассникам книжки, а те им букеты цветов. У Нади цветов оказалось вдруг так много – постарались подшефные пятиклассники, у которых она была пионервожатой – она сразу же начала раздавать их тем, у кого меньше.

Потом уже, дома рассмотрела книжку, которую подарили Максимке. Увидела, от кого: одноклассник Володя Артамощенко.

– Максимушка, откуда у тебя эта книжка?

– А я увидел, что у тебя уже нет книги, поэтому подарил цветы мальчику, который стоял рядом с тобой. И он мне дал эту книжку.

Ну что ж, Максим – мальчик сообразительный, таким и остался на всю жизнь.

А потом был выпускной бал. Белое штапельное платье с голубым цветочком на груди, сшитое самостоятельно из ткани, которую купила на рубли, скопленные от репетиторства двух семиклассниц по физике и химии. Туфельки – тоже за свой счет. Простые – но аккуратные.

Бежала к школе стремглав – опаздывала. Вот и зал, украшенный разноцветными шариками, лозунгами и цветами. Нежная музыка, смех ребят...

– Какие же вы все красивые, нарядные, я даже вас не узнаю!

А любимая подружка Валя на ушко шепнула: «Надюша, ты необычайно хороша! Как идет тебе коса, уложенная вокруг головы! Какое нежное платьице, а бусинки – просто прелесть!»

Заиграла музыка – школьный вальс. К Наде подбежал одноклассник Саша Радько и пригласил на танец. Истомина очень любила вальс, тем более в девятом классе их обучали бальным танцам.

Откружился вальс, и почему-то захотелось плакать. Надя выбежала из зала, села в уголке в своем уже бывшем классе – и горько заплакала. Внезапно поняла: все одноклассники уже знают, куда пойдут учиться, чем будут заниматься после школы. У Нади же – хоть и аттестат всего с одной четверкой, остальные пятерки – никакой возможности поступать в вуз нет, бедность и семейная нищета.

* * *

И вот на третий день после вручения аттестата Надя Истомина устроилась рабочей третьего разряда на предприятие «Укртермоизоляция». Там уже работала вместе со своей мамой соседка Лида. Надю поставили подручной двух женщин, у которых был шестой разряд – трудились они очень быстро, успевать за ними было просто невозможно.

Одновременно сдала документы на вечернее отделение индустриального института, факультет ПГС. Вступительные экзамены – на «отлично».

– Поступайте на дневное, вы сможете!

Хотелось кусать локти – но никакой возможности идти на дневное не было. Бедность, бедность...

Так и вертелось некоторое время: тяжелая работа, за смену перетаскаешь полтонны стройматериалов. Потом домой – чуть живая, вымотанная, обессиленная. Поесть – если было что – и на занятия в институт.

Все вытерпела бы, если б только отчим не скандалил. Однажды ночью тот чуть не зарезал Надю: бросился с ножом на маму, дочь встала между ними. Скандал продолжался всю ночь, а утром – Наде опять на работу. Температура выше пятидесяти градусов на рабочем месте, и опять тягать вручную стройматериалы для изоляции, высота около десяти метров. Чувствовала себя прескверно – еще чуть-чуть и упадет вместе с раствором.

Попросила бригадира отпустить ее домой, та посоветовала позвонить начальству. Мастер, как и бригадир, не возражала, велела ей только зайти в контору и написать заявление.

Только идти-то было километров пять, пешком не дойти. И Надя с большим трудом вернулась на рабочее место. А вернулась – и даже не смогла ничего объяснить бригадиру: стала терять сознание, ее скрутило судорогой. Надя успела почувствовать, как ее подхватывают женщины. Очнулась уже в больнице, где пролежала более двух недель. Врачи признали сильное истощение нервной системы.

– Можешь считать, что заново родилась, – сказал врач, когда она выписывалась. – Могла остаться калекой.

После выписки Надежду Истомину поселили в заводское общежитие – в основном там жили сироты. Не сладко было, но все же отдохнуть от пьяного крика и постоянной тревоги... Зарабатывала хорошо – две тысячи пятьсот рубля в месяц. Деньги Надежда отдавала маме – оставляя себе самую малость.

* * *

В марте 1959 года в Краматорске набирали девушек-комсомолок на целину – в Казахстан. Одно из первых, поступивших в горком комсомола заявлений, было от Истоминой Надежды.

Ехать в дальние края, туда, где настоящее дело, где подвиг! Об этом ребята мечтали в школе, и поездка на целину казалась воплощением этой мечты.

Глава 2. Букет подснежников – на счастье

*Счастлив, трижды счастлив человек, которого невзгоды жизни
закаляют.*

Фабр Жан Анри

*За шумят метели, затрещат морозы,
Но друзей целинных не легко сломить.
На полях бескрайних вырастут совхозы,
Только без тебя немножко грустно будет жить.*

(Из песни «Едут новосёлы».

Стихи Н. Солохиной)

Эта часть истории Нади Истоминой началась, когда она еще училась в школе. В 1954 году, после пленума ЦК КПСС, в языке газет и радио, а потом и у всех на устах появилось новое слово «целина». Партия призывала людей на освоение земель Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа – земель, которых еще не касался плуг земледельца. О том, что это будет очень трудно и требуется настоящий подвиг, объявили сразу.

И они, девятиклассники школы 17 города Краматорска, на своем комсомольском собрании твердо решили после получения аттестата зрелости всем классом поехать на целину.

Кто нужен был на целине? В первую очередь – трактористы, электрики, шоферы, механики, строители и работники сельского хозяйства.

Поначалу брали только мужчин, но в 1958 году стало понятно, что нужны еще и женщины.

– Надя, ты слышала? Объявили комсомольский набор на целину, с Донбасса – 800 девушек!

– А от нашего города?

– Сорок.

Узнав о наборе в январе 1959 года, Надежда почти не колебалась и сразу подала заявление. «Смелая ты, Надюша!» – завидовали подруги. Но мало быть смелой – надо еще пройти по конкурсу, желающих на эти сорок мест были более трех тысяч.

– Надежда Истомина... Вот вы подали заявление, но ведь вы учитесь! Как планируете продолжать обучение?

– Заочно!

По анкете девушки вопросов не возникло, и комсомольская путевка тут же Наде была гарантирована.

* * *

Проводы на целину... Тогда они были похожи на проводы ребят в армию, но гораздо веселее. На дворе Истоминых с пяти вечера начали собираться все девчата и парни, с кем Надя дружила в школе, в институте на вечернем отделении, на работе. В руках у ребят немедленно образовались баян и гитара. Погода – на редкость теплая, украинская весна в самом разгаре.

Поперек двора – столы с легким вином, со сладостями и фруктами. Небогаты Истомины, но праздник есть праздник, гостей уважь хоть бы и на последние деньги. И завился вечер – песнями, танцами... Сколько говорили о Наде! Какая она смелая, ведь когда-то мечтали всем классом отправиться на целину, но рискнула только она, Надя Истомина. Вспоминали, какая она была в классе, как всем помогала, насколько трудолюбива на работе... Больше всего гру-

стили однокашники – кто же им теперь, без Нади, поможет с курсовыми? Поезд на Донецк отходил поздно, в 23.30 – гуляли до самого вокзала, в вагон Надю посадили с песнями и плясками.

– Ребята, в армию друзей отправляете? А где же ваши новобранцы?

– Так вот же! Не в армию – на целину девушку провозаем!

Так пассажиры на вокзале узнали, что комсомолки едут на целину. Ни у кого из сорока краматорских девушек не было таких проводов, как у Нади Истоминой.

В Донецк поезд пришел под утро. Девушки вышли на привокзальную площадь и замерли от удивления: она была украшена не хуже, чем на Первомай, а было еще только седьмое апреля 1959 года. На площади готовились провожать на целину комсомолок всей области. Играл военный духовой оркестр, везде были красные флаги, кто-то танцевал; с каждой минутой на площадь прибывали все новые и новые нарядно одетые люди.

– Девчата, что стоите, давайте быстрее в центр, туда, к трибуне! – подбежал парень в красной повязке на рукаве, из организаторов. – Комсомольские путевки вручать будут!

На трибуне появились люди в шляпах – партийное и комсомольское областное начальство. Ведущий называл города и фамилии, будущие целинницы поднимались на сцену и получали документы; играл бравурный марш...

– Истомина Надежда, город Краматорск!

Ну, вот и Надина очередь. Узкие ступеньки на сцену, яркий солнечный свет, кто-то жмет руку, вручает документ... Сердце Надино бьется так же сильно, как два года назад, когда получали аттестат зрелости. Вроде бы вчера это было, а вроде бы и вечность назад.

– Теперь ждать нечего, красавицы, вперед! – еще один бодрый распорядитель подгоняет девушек.

* * *

– Истомина Надежда – седьмой вагон!

Долго еще девушки рассаживаются по местам, рассовывают по багажным полкам свои невеликие пожитки; долго еще паровоз пыхтит, разводя пары – но вот поезд, весь украшен транспарантами, цветами искусственными, шарами, флажками, под звуки оркестра тронулся.

Седьмой вагон весь звенел девичьими голосами: соседками Нади оказались девушки-целинницы из Краматорска, Славянска, Дружковки. Праздник как будто продолжался, о новой жизни было еще толком ничего не известно. Зато пока – на каждой большой станции – их встречали цветами и музыкой, женщины приносили горячие пирожки. Девушек приветствовали; наверное, впервые в жизни они чувствовали на себе такое радостное внимание людей. Никто из них не сомневался: такой радостной и будет их новая жизнь.

Надя стояла у окна вагона. Никогда раньше она не чувствовала себя такой нужной и важной. Кончились тягостные годы, которые могли бы быть счастливым отрочеством, но не стали... и зима закончилась: вдоль полотна дороги появились белые точки первых весенних цветов. Как же прекрасна и умна матушка-земля, как же замечательно устроено, что после зимы обязательно приходит весна!

– Девчата, смотрите! Вдоль шпал расцвели подснежники!

Девушки бросились к окнам, они не могли скрыть радости: белые, лиловые подснежники кружили в бесконечном весеннем танце.

Но вот еще одна станция, на сей раз совсем небольшая. На перроне девушек угощают пирогами, вареной картошкой с солеными огурчиками...

Надя выглянула из окошка вагона – и еле успела поймать букет подснежников. Потом взглянула, кто бросил – ничего парень, симпатичный.

– Девушка, это тебе на счастье!

Поставила цветы на столик. Подруги смеялись:

«Ну, все, Надюша, скоро замуж выйдешь!»

– Да нет, дорогие, в моих планах в ближайшее время замужество не значится!

* * *

И вот уже под колесами – Казахстан. Скоро место назначения. Вокруг, сколько ни смотри из окон, – необъятная печальная пустыня, местами виднеется еще не растаявший снег. За окнами вагона серо и мрачно; ветер воет так, что, кажется, стены вагона ему не помеха...

Вот и конечная: станция Кзыл-ту Кокчетавской области. Крохотная станция, окруженная степным безбрежьем. Вблизи – никакого жилища, только где-то у горизонта виднеется какое-то неприглядное низкое строение.

На календаре было пятнадцатое апреля. Поезд никто не встречал. Праздники прошли, а с ними и приподнятое настроение: девушек настигли будни.

Серый цвет и сумрак – таковы краски апрельского утра в Казахстане, если это, конечно, можно назвать красками. Девушки ждали час, другой; ветер пронизывал до костей, не спасала никакая одежда. Наконец, вдалеке показались грузовики – один, второй, за ними трактора с огромными санями. Целая колонна.

– Грузитесь, грузитесь! – кричат из кабин. – Время дорого!

А девчата и сами рады побыстрее: хоть как-то согреться посреди степи. Смеха и веселья, которые царили в поезде все эти десять дней, как не бывало... Пока грузились и ехали, проводящие распределяли девушек по совхозам.

Почти весь седьмой вагон попал в ближайший к станции – всего-то пятнадцать километров – совхоз «Толбухинский». «Это, девчата, совхоз передовой, лучший в области! – хвастался водитель. – В пятьдесят шестом организован, как сюда целинники пришли. Директор – золотой человек, Моргун Федор Трофимыч!»

Пересадка, снова на сани; время, между тем, уже к обеду. Проглянуло солнце, да и ветер начал стихать, но все-таки у приезжих зуб на зуб не попадает. Прошло еще три часа – и прибыли в совхозный стан, распределились по дворам.

– Надежда, куда же тебя, такую маленькую... К Нерингам, вот! Там семья хорошая, подкормят: работа-то тяжелая предстоит!

Неринги были немцы, депортированные с Волги во время войны. Немцы да казахи – вот все коренное население усадьбы. У Нерингов – теплый дом, четверо детей, добрая хозяйка тетя Шура. Теплый хлеб и молоко по утрам. Обычно говорят про русское гостеприимство – ну так немецкое оказалось совсем не хуже...

– Трудненько придется, – в первый же вечер покачала головой тетя Шура. – За работу поставят прямо завтра. Тут пока холодно, в степи-то. Но пара недель – и будет сразу лето, весны в Казахстане почти не бывает. В мае – сухо, земля трескается, а зато в конце июня ливни с грозами такие, что хоть беги! Но ничего, живем, и ты будешь жить и радоваться! А уж работы тут – непочатый край...

* * *

По бригадам распределили еще до ночи. Надежда вместе с еще двумя девушками – Лидой и Розой – попала во вторую бригаду, к Григорию Афанасьевичу Тютюннику. Родом был он из Украины, работал в совхозе с 1956 года вместе со своими сыновьями и племянником, которые также приехали сюда по комсомольским путевкам.

– Значит, вы, девчата, поедете в бригадный стан, это километров десять отсюда, – командовал Григорий Афанасьевич. – Поселитесь там в «бескозырке» – ну, увидите сами.

«Бескозыркой», оказывается, называлась глиняная мазанка без пологой крыши, расположенной посреди голой на десятки километров вокруг степи с низкими и редкими деревцами. Вообще-то, это была бригадная столовая, на второй половине которой жила повариха. К ней-то подселили Надю и Лиду. Роза – золотая медалистка из Дружковки, дочка обеспеченных родителей – оказалась в палатке.

– Ну, ничего! – усмехнулась, – я затем сюда и ехала, чтобы справляться с любыми трудностями. Нет преград для советского человека, да, девчата?

Над степью еще выл холодный ветер, но земля с каждым днем теплела, готовясь вновь принять в себя хлебные зерна. «Посевная» – это значит, что весь совхоз работает от зари до заката. Пятнадцать часов в день за сеялкой, без выходных – надо успеть засеять бескрайние распаханые земли. Там, где еще недавно была лишь степь, возникали поля, и люди радовались: бесприютный пейзаж оживлялся, превращаясь в творение рук человеческих. Надя, работая, почти не чувствовала усталости: сказывалась закалка, полученная в детстве, и тяжкий физический труд после школы. Мечталось только поскорее увидеть первый урожай.

– Надя, сегодня опять ребята придут!

Стойких, не унывающих девушек целинники признали сразу. Относились к ним с пониманием, помогали, если что не так, и заходили иногда в гости. У девчат ждала неприхотливая еда, уют, душевное тепло. Комнаты украшены – какими-нибудь пустяками; на окошках – алоэ и герань в консервных банках от повидла, подарок доброй тети Шуры Неринг.

* * *

После посевной большая часть бригады вернулась в совхозный стан. А земля вскоре отблагодарила сеятелей дружными всходами ростков пшеницы. Скоро всходы превратились в метелки. На глазах пшеница зрела, колос становился упругим, бусинки зерна твердели. И вновь горячая пора: одним механизаторам готовиться к уборочной страде, другим продолжать вспахивать новые целинные земли.

Иногда целый день приходилось провести голодными, – какие там полевые кухни, некогда! Да и климат – «что-то уж резко континентальный», как шутили комсомольцы – требовал привыкания.

И все-таки работали безотказно, хотя многие из ребят раньше с трудностями не сталкивались.

Второй бригаде дали несколько жилых вагончиков. «Шикарно!» – завидовали товарищи из других бригад: в вагончике было сухо, а между двумя жилыми «половинками» отлично вставала буржуйка. За едой – в столовую: дешево, но и качество соответствовало цене.

Надю снова подкармливала добрая тетя Шура.

А вот и первая зарплата. Девчата получали по тем временам мизерные 600 рублей в месяц, механизаторы чуть больше. Надя откладывала 300–400 рублей с каждой полочки и отправляла домой, маме.

– Поправляешься на глазах! Хорошеешь не по дням, а по часам! – радовалась тетя Шура.

– Главное – успокоилась, – тихо призналась Надежда. – Не так тревожно, как дома было...

* * *

Первое казахстанское лето выдалось не таким жарким, как бывает обычно. Из бескрайней степи дул легкий ветерок, под которым ковыль серебряными нитями будто бы вышивал замысловатый узор на зеленой траве.

В свободное время Надя любила смотреть из окошка вагончика, как волнуется степь: она представляла, что где-то недалеко колышется безбрежное море; бирюзовые волны несутся,

омывая золотые песчаные берега. Она вглядывалась вдаль, приучая глаза к горизонту. Как все-таки прекрасна, как разнообразна жизнь! Как же хочется дышать, бежать, видеть и слышать весь мир в такие моменты!

По вечерам Надежда бывала у Нерингов: они всегда встречали девушку приветливо, угощали чем-нибудь вкусеньким.

– Настоящее ты, Надюша, наливное яблочко, – довольно говорила тетя Шура. От тебя исходит лучезарное тепло, как от солнышка, а голосок становится звонким, как колокольчик.

Так и осталась Надя «Колокольчиком»: дети тети Шуры, подружившиеся с ней, как с сестренкой, иначе ее и не называли. А в бригаде звали похоже – «Звоночек». Наверное, из-за голоса, который звенел на весь стан, как только появлялась Надя. К ней оборачивались и парни, и девушки.

– Водички напиться! – стучался кто-нибудь из ребят в вагончик, стоило Наде там появиться. Или просили листочек бумаги – письмо домой написать. Надя улыбалась, понимая – им всем просто хотелось с ней пообщаться. А ей и не жалко: многодетная семья дала такую закалку общительности, что в бригаде Надя чувствовала себя совершенно свободно и всегда была в центре внимания, как и в школе.

– Колокольчик ты наш, заходи почаще, – провожали Надю по вечерам тетя Шура и ее ребята. – Нам так нравится с тобой общаться, слушать твои сказки! Если что-нибудь тебе понадобится, ты не стесняйся!

– Спасибо вам, – краснела Надя, – да чем же я заслужила? Сердечное вам спасибо за все!

Но по взглядам многих молодых людей вокруг можно было не сомневаться – Надя Истомина расцвела. Голос девушки и вправду звенел на всю бригаду – от счастья, от прилива сил, от того, что ее новая жизнь была не в пример прежней: надежней и спокойней. Что с того, что приходилось много работать? Надя никогда не боялась труда.

Новая специальность – подручная тракториста. С огромными граблями девушки помогали при заготовке сена. В промежутках между работой можно было даже успеть почитать, чем Надя с удовольствием пользовалась.

– Как тебя зовут? – спросила как-то курчавого, симпатичного тракториста.

– Василий... Вася. Чех!

– Что, настоящий чех?

– Да нет! Из Белоруссии. Фамилия такая! – и снова за работу...

Бывала и подсобная работа: топить буржуйки в бытовках и вагончиках, наводить порядок, иногда – стирать и гладить ребятам одежду.

– Что, Надюша, не нашла себе никого еще? – интересовалась тетя Шура иногда.

– А уже надо? – смеялась Надя. Никого из ребят она пока не выделяла.

Еще до приезда в Казахстан девушек предупреждали: на целине надо быть очень осторожными с ребятами, бывает всякое! И смотрели старшие женщины многозначительно. Поэтому девчата поначалу были настороже: ходили в спортивных штанах, крепко завязав их на ногах и поясе. Потом поняли, что никто на них нападать не собирается, и стали-таки носить платья. И все-таки продолжали жить по принципу «береженого Бог бережет».

Со стороны парней при этом не было даже ни одного грубого слова – предосторожности оказались напрасны. Все-таки большинство парней были воспитаны еще по-деревенски – с понятием.

* * *

Отдельная песня была – соседи-казахи. Девушек-целинниц часто звали на чай. Казахи жили так же, как и многие века назад, и украинские девчата, заходя к ним в гости, не могли не удивляться. На стенах – останки забитых лошадей, копыта, головы и внутренности. Туалетов

и в помине нет, ходят в степь с чайником, при этом, как видно, чистоплотны. Они простодушны и добры к людям. Огромные семьи, очень уважают своих стариков. А чтобы жениться, семья жениха платила родителям невесты внушительный калым – по сути, покупали девушку.

Как-то раз ребята из второй бригады необдуманно чуть было не сыграли над своей любимицей шутку. Светлым летним вечером к стану подъехала тележка с двумя ящиками спиртного. В ней сидели пожилой казах со своим сыном. Этого юношу девушки много раз видела на полевом стане. Он отличался от остальных казахов тем, что был статным, зеленоглазым, со светлыми волосами. Казахи позвали бригадира Григория Афанасьевича и стали, жестикулируя, ему что-то доказывать. Вот уже и девчата из-за любопытства вышли из своих вагончиков. И многие ребята уже вернулись с работы.

– Надюша, Звоночек ты наш, подойди сюда, – с улыбкой позвал бригадир. – Видишь этого молодого красивого казаха? Он приехал с отцом тебя сватать, а вернее, выкупить за два ящика водки. Что скажешь?

– А почему именно меня? – с растерянной улыбкой спросила девушка.

– Они говорят, что ты веселая, быстро и хорошо работаешь.

– Надо же, как они оценили весёлость и трудолюбие, не многовато ли?! Однако вы с ума сошли, – Надежда вспыхнула от негодования и скрылась в своем вагончике.

– Да нет, это не я с ума сошел, а кто-то из ребят так неудачно пошутил!

Долго еще бригадир объяснял казахам, что у славян невест не продают и не покупают. Отец с сыном, по всей видимости, так и не смогли этого понять. Ребята, а особенно водитель Иван, местный немец, помогли им развернуться и уехать.

* * *

В конце июля поля стали такие красивые – глаз не оторвать. На засеянных участках уже разливался необъятный пшеничный океан. Ветерок, как ястреб, кружил над зеленым полем пшеницы; колосья, налитые зерном, не хотели подчиняться, выгибались бирюзовыми волнами, выпрямлялись, вставляли стройными рядами, но ветер ни на минуту не оставлял их. Стебельки поворачивали свои головы, и, казалось, вот-вот волны поднимаются и выйдут из берегов.

Солнце сверху золотило их; девушки смотрели на живое поле, созданное своими руками, и чувство восторга и торжества наполняло их сердца. Многим вспоминались в такие минуты бессонные ночи, споры, первые костры в степи и первые борозды.

Девушки считали, что видеть результаты своего труда – ни с чем несравнимое блаженство. Может быть, именно оно помогало комсомольцам стиснуть зубы и не возмущаться, а работать, чтобы, в конце концов, увидеть главную свою награду – огромный урожай...

* * *

Начиналась уборочная страда – самое благодарное время в целинной жизни.

Приехало много командировочных: студенты, солдаты с машинами и комбайнами. Повсюду шествовал праздник, слышалась музыка. Каждый парень-механизатор был спасителем и героем, ребята все время торопили девушек и сами старались без потерь доставить урожай.

Целый день над полем слышался звонкий смех девчат и бравые реплики парней. Молодые, красивые, они хотели понравиться всем, сдвигали лихо кепки, щеголяли начищенными кирзовыми сапогами и с удалью срывались с мест на своих машинах.

В воздухе как будто летали смешинки: девчонки лукаво хохотали, надевали самую лучшую одежду. Мужчин на целину приехало множество, так что кому хотелось найти себе

жениха, это можно было сделать без особых хлопот. А каждый юноша при виде красивой девушки начинал источать комплименты, как скошенные травы свой аромат.

На время уборочной страды Надежда Истомина была назначена учетчицей. Урожай был высокий; машин не хватало, а те, что были, разгружались, казалось, очень медленно.

Наде запомнился один из ясных осенних дней. Вот сотни автомашин, загруженных зерном, стоят возле пункта временного зернохранилища, среди рыжей, выгоревшей степи на окраине поселка. Хвост растянулся больше чем на километр, сам приемный пункт – как кишаший муравейник. В клубах пыли урчат и фыркают грузовики, пробираясь к центру двора, к буртам зерна. Тут же рядом грохочет стройка – возводится новый элеватор, старый уже забит зерном до отказа.

Погода стояла ясная, повсюду было зерно – его отвозили вереницы машин до пункта приема.

Поля постепенно освобождались от урожая, а настроение у всех боевое и радостное. Надя стояла на приемке, и ей было чуть-чуть грустно. Если бы она могла, она бы дала пшенице постоять еще немного, чтобы все вдоволь налюбовались своим трудом. А сейчас поле теряло первоначальную красоту. Трактора и комбайны, с высоты птичьего полета похожие на черных жуков, утопали в этом пшеничном величии, и с каждым днем оно превращалось в плешь, которая поглощала все больше и больше пространства.

Десятка два девушек насыпали зерно в мешки, и грузчики исчезали с ними в низеньких мазанках-складах, куда сыпали семенное зерно. Как медленно! – поморщилась Надя. Пробралась через заторы машин к девушкам и своим звонким голосом крикнула:

– А ну, ребята, кто смелый! Подходите, помогайте девушкам разгружать машины. И время побежит быстрее, и невесту себе выберете. Посмотрите, какие красавицы работают!

И действительно, ребята-водители вышли из своих машин и начали дружно помогать девушкам. Разгрузка пошла веселее и быстрее. Пшеницу в бригаде убрали полностью, но на токах она оставалась еще долго.

Высокие горы зерна лежали среди полей; юноши и девушки, уставшие от монотонной работы, развлекались: пели песни, рассказывали анекдоты, чтобы как-нибудь отвлечься от жаркого солнца, которое как будто сверху наблюдало за их работой и подгоняло своими золотыми стрелами-лучами... Порой от солнечного удара девушки падали в обморок.

– А ну-ка, закопай меня! – юноши и девушки дурачились во время обеда, ныряя в золотое море пшеницы. Со всех окрестностей на тока прилетали птицы; они давно перестали бояться людей, сытые и важные.

С достоинством клевали зерно и, вынужденно прервав трапезу, далеко не улетали.

Вот это – красота! – будто кто-то проговорил внутри Надежды. Картину эту она запомнит на всю жизнь.

В том году совхоз «Толбухинский» вышел по уборке зерна на первое место в республике.

* * *

После уборочной страды все быстро разъехались; некоторые девушки и парни отправились в бесплатный отпуск, да так и не вернулись. Почему – понятно: жизнь здесь опасная, работа тяжелая, а платили самую малость.

Оставались только настоящие герои, которые выдержали все трудности быта и изнурительного труда целинников. Люди, которые сознательно и добровольно обрекали себя на тяготы жизни, зная, что в другом месте этого могло и не быть. Целина сразу, с порога, испытывала новоселов, обрушивая на них свой неласковый нрав. Очень многих она научила работать и ценить труд, и жить среди друзей, верных и надежных.

* * *

А потом очень быстро наступила зима. В казахской степи почти не бывает осени, и холодная, ветреная зима стремительно приходит сразу после лета. Девушки в полной мере прочувствовали, насколько зимняя степь обманчива: вот над ней от горизонта до горизонта синее морозное небо, светит яркое солнце, но пройдет полчаса, и уже не видно белого света; крутит, свистит и завывает пурга.

Как-то второй бригаде поручили собрать камыш, который был нужен для корма животных. На озеро отправился человек двадцать; к вечеру собрали вполне достаточно и стали возвращаться в бригаду. Вдруг вдали появились огоньки, которые быстро двигались к людям.

– Это же волки! – ахнул кто-то. И тут же, решительно, чтобы не испугаться самим:

– Давайте жечь костер! Они боятся огня!

Все тут же вспомнили случаи в соседних совхозах, когда серые хищники загрызали людей. Огоньков много – значит, стая с вожакom и молоденькими самками. Не отходя от людей ни на минуту, выли, оповещая сородичей о найденной добыче. Девчата плакали, а Зоя повизгивала, вызывая гнев ребят.

– Главное, не бояться и не паниковать, – отрывисто и тихо заговорил Василий – он был постарше остальных и уже встречался с волками в степи. – Зойка, а ну бросай выть, а то сама к волкам пойдешь!

Девушка испугалась и замолчала.

Собрались спина к спине, смотрели на обступающих врагов. Когда какой-нибудь из волков понаглее ступал вперед, в морду ему летел горящий камыш, и хищники отходили. От страха все забыли про сон и молились, чтобы поскорее пришла помощь. Но утро наступило быстрее. Волки отошли, бригада спаслась.

– Без потерь?

– Без потерь. Камыша только не осталось, все сожгли.

– Ну, значит, еще один день придется собирать! Но напугались-то как, да? Пошли в бригаду!

Камыш собрали на другом озере, в тот же день – после небольшого отдыха. Особенно отличились девушки и парни из Белоруссии. Они работали слаженно и с огоньком.

* * *

В январе дали первый отпуск. Надя приехала домой, и домашние едва узнали ее, настолько она похорошела, поправилась, посвежела...

– Как наливное яблочко! – дивились соседи. – И глазки засияли! Целина тебе, Надюша, явно на пользу пошла!

Уезжая обратно, с собой Надя везла документы, которые забрала из индустриального института. Решила переводиться в Омскую сельскохозяйственную академию.

* * *

Вскоре после возвращения в совхоз представился и случай попасть в Омск. Туда отправляли машину – ЗИЛ с прицепом – за стройматериалами. Григорий Афанасьевич договорился с водителем, и тот был готов взять Надю попутчицей.

– А кто этот водитель? – поинтересовалась девушка.

– Не волнуйся, наш Звоночек, это степенный, серьезный человек, да притом член партии и женатый. Тебя довезет туда и обратно в сохранности, только теплее одевайся, дорога длинная.

Ранним утром они выехали в Омск по наезженной дороге. Через пару часов, глядя вдаль, Надя заметила белое облачко, которое приняла за отдаленный холмик. Водитель покачал головой:

– Облачко предвещает буран. Но я надеялся до непогоды добраться до Северной станицы на границе с Омской областью.

Ветер, между тем, становился сильнее; облачко превратилось в белую тучу, которая тяжело поднималась и росла, и постепенно заполонила небо. В точности как у Пушкина: пошел мелкий снег, и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл, началась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Грузовик, как игрушку, развернуло поперек дороги.

– Лучше здесь остановиться да переждать, – нахмурился водитель. – Быть может, буран скоро стихнет, тогда поедем дальше.

Вокруг бушевала однородная серо-снежная масса. Иногда в ней, как изюминки в булке, были видны огоньки, но это, скажем прямо, были плохие новости: значит, по степи рыщут еще и волки. Шофер был совершенно спокоен, и, глядя на него, Надя тоже кое-как сохраняла хладнокровие. Одно было плохо: холод пронизывал кабину, Надя заледенела.

Но вот наконец-то встречная машина, которая двигалась к ним. «Вставайте!» – Надя разбудила водителя, тот вышел на дорогу. Их с трудом вытянули с обочины: машина полностью погрузилась в сугроб.

– Недалеко есть казахская юрта, – сказал на прощание встречный водитель, – там живут добрые люди, сможете отдохнуть у них и погреться.

Негласный закон целины – никого не оставлять в дороге без помощи. Никогда не знаешь, вдруг завтра помощь понадобится и тебе? ЗИЛ быстро добрался до юрты; было уже далеко за полночь.

– Деточка, да как же ты так, поехала в такую дорогу плохо одетая... – хлопотала пожилая казашка, маленькая и быстрая. – Сейчас мы тебя обогреем, рученьки твои и ноженьки окоченели. Давай помогу снять одежду, вижу, твои пальчики тебя не слушают.

Семья оказалась действительно доброй и радушной. И как же вовремя попалась путникам эта юрта – когда Надя уже не чувствовала ни рук, ни ног. Девушку положили рядом с печью, смазали все тело каким-то жиром и закутали в шерстяное одеяло, напоили горячим кумысом. Стало сильно знобить.

– Ничего, хорошо, не бойся, – говорила бабушка, – это холод из тебя выходит!

В юрте пришлось пробыть целый день – Надя чувствовала себя все еще неважно, а потом поехали дальше. Вот и Омск с его деревянным кружевом старинных домиков и гигантским мостом через Иртыш. Вот и сельскохозяйственный институт – документы у Нади приняли и даже зачли все экзамены и зачеты, сданные в Краматорске. А потом – в обратную дорогу, которая на этот раз обошлась без происшествий.

* * *

– Пока ты, Надюша, ездила, – подруга выглядела сияющей, была одета и причесана тщательнее обычного, – сюда прибыли ребята из Молдавии, после училищ. Много симпатичных, рослых и мужественных юношей!

– Ну, что ты, Лидонька, какая мне разница, – рассмеялась Надя. – Сейчас не до них. Я буду учиться, так что тебе больше достанется.

Через пару дней Лида все-таки уговорила подругу пойти с ней на танцы. Клуб, если так можно его назвать, располагался в центре совхоза, в «бескозырке». Играла музыка, танцевали фокстрот; молодежи было много, в основном парни.

Окинув взглядом танцующих, где-то в дальнем углу Надя заметила пару карих глаз, устремленных в ее сторону.

В этот момент в ее душе возникло какое-то незнакомое чувство. С кем бы она ни танцевала, постоянно ощущала на себе этот взгляд. Не успев предупредить подругу, она убежала домой.

– Надюша, Звоночек наш, – говорила наутро Лида, – вчера ты ушла по-английски, не попрощавшись, а о тебе спрашивал очень симпатичный парень. Я пообещала, что сегодня мы придем вдвоем!

На танцы Надя пошла только через день. Ее уже ждали. Заиграла музыка, звучал вальс, ее любимый танец. Кудрявый черноволосый юноша пригласил Надю. Отказать ему она не посмела, и они легко закружились в вальсе. Танцевал он безупречно. Многие девушки и юноши расступились и любовались этой парой.

– Вы что-то позавчера очень рано ушли с танцев? – спросил будто бы невзначай.

– Да, я не особенно люблю ходить на подобные мероприятия.

Еще несколько туров, вальс все не кончается...

– Разрешите, Надя, вас сегодня проводить домой?

Удивленно вскинула бровь, почти обиделась...

– А разве мы с вами знакомы?

– Простите, меня зовут Володя, а вас я уже знаю – Надежда. Так вы разрешите проводить вас?

– Я не думаю, что это удобно, тем более я живу рядом.

Вот и музыке конец. Надя нашла Лиду и вместе с ней вышла на улицу. Увидев, что Володя замешкался, убежала домой.

Назавтра, подходя к стану бригады, Надя странно себя почувствовала. Что это? Сердце стучит, сильно. Вот ребята возьмется с тракторами – готовят к посевной. «Звоночек наш идет!» – крикнул кто-то.

Володя, конечно же, он тоже здесь. Жгучие карие глаза пристально смотрят на нее, никого не стесняясь. От взгляда – по всему телу дрожь и теплота. Впервые такое ощущение. Поздоровалась кивком головы, зашла в вагончик. Стук в дверь – входит, конечно, он:

– Можно попить?

– Конечно, – Лида подает ему кружку.

Выпил залпом – и все-таки не выдержал, обернулся.

– Надя, я сегодня зайду за вами, не возражаете? Приглашаю вас в кино.

– А вы знаете, где я живу?

– Знаю.

– Хорошо, заходите.

Пришел, конечно – в дом к тете Шуре заходить не стал, ждал у калитки...

Стали дружить, со временем перешли на «ты». Потом Надя начала понимать: это любовь, с первого взгляда, светлая и чистая.

– Какой, Надюша, у тебя приятный молодой человек, вы очень друг другу подходите, – одобряла тетя Шура.

Надя действительно безумно полюбила Володю. Они были парой во всех отношениях. Он работал всегда с огоньком, считался лучшим трактористом в бригаде и по всему совхозу. Каждые десять дней подводились итоги по количеству вспаханных земель, и он всегда побеждал. На его тракторе постоянно красовался флажок. Надя тоже ему была под стать. Она слыла хорошей хозяйкой в бригаде, как его, так и ее многие любили, и все признавали, что они великолепная пара.

Володю она чувствовала на большом расстоянии, даже не видя его. Мистика, необъяснимая, но обычная для влюбленных... Как-то Надя шла в администрацию совхоза, и вдруг у нее

учащенно забилося сердце. Он где-то рядом? Обернулась и поняла, что Володя действительно бежит за ней.

Часто они ездили в кабине его трактора – поздним вечером, даже ночью. Он – негромко пел своим бархатным голосом, она – щебетала ему обо всем, что знала. В такие моменты они ни о чем не думали, просто наслаждались присутствием друг друга. В общем – были счастливы.

* * *

Примерно в этот же период Надя почему-то обратила внимание еще на одного юношу из второй бригады.

Угрюмый, молчаливый, высокий, светловолосый парень чем-то отличался от других ребят. Он выглядел гораздо старше своего возраста, но в нем чувствовалась какая-то особая внутренняя сила. Ему почему-то не везло: часто ломался трактор. Казалось, он и старался работать хорошо, но удача обходила его стороной.

Наде жаль было его, хотелось чем-нибудь помочь. Думала, что он сирота, было ощущение, что рос без любви и ласки. Она сразу запомнила его имя – Олег Зарецкий.

* * *

– Надя, это что, такая целина? – четырехлетняя сестренка Аннушка с любопытством осматривала вагончик, хлопая большими черными ресницами. – Что же это за целина, когда кругом только одни двери? А я все думала, думала, какая она – целина?

Летом Аннушка вместе с мамой, Анной Семеновной, приехали к Наде в гости. Погода стояла образцово-показательная – теплая, спокойная. Надя перешла жить к девушкам, а родных поселила к тете Шуре.

– Нет, Аннушка, целина во-от какая! – и показали из окошка высокого вагончика бескрайнее ковыльное море. Сестренка замерла от восторга.

А дверей в вагончике и вправду было целых три.

Анна Семеновна часто задумывалась – вспоминала годы, прожитые в Казахстане во время эвакуации. Здесь когда-то родился любимый сын Димочка...

– Матери Надиной я что-то вроде не понравился, – говорил Володя приятелям.

На самом деле Надя с Анной Семеновной о нем даже не говорили, потому что никаких серьезных намерений у Нади еще не было.

Девушку настораживала Володина ревность...

Нехорошие «звоночки» звенели постоянно. Например, на концерте стоило Наде восхищаться юношей-артистом, который замечательно играл на оригинальных «инструментах»: ложках, кастрюлях, стиральной доске и особенно мастерски – на пиле, Володя вскочил с места и демонстративно вышел из зала.

– Что с тобой случилось? – Надя не побежала за ним, так что говорили уже на следующий день.

– Ничего, – буркнул и не захотел продолжать тему.

В другой раз выбросил из окна вагончика губную помаду, которую привезла мама. Надя и так не пользовалась никакой косметикой, но жест был слишком красноречивым.

Когда думала об этом серьезнее, вспоминалась семейная история – сам же Володя и рассказал. Его отец убил свою жену – Володину маму, так что сам он рос сиротой, при тетке, которая безумно его любила и баловала.

А что, если... В общем, чем больше Надя думала о замужестве, тем меньше была уверена, что хочет выходить за Владимира. Тем более всего двадцать первый год идет, куда торопиться?

Еще одно смущало: Володя, хотя и был ужасно ревнивым, сам по натуре был общительным, веселым... Душа компании, постоянно девушки вокруг. Не хотелось бы потом страдать от его измен.

– Нам надо серьезно поговорить. Ты зачем так поступила? – глаза Владимира в первый раз смотрели на Надю с таким металлическим блеском. В руке он держал письмо, написанное незнакомым почерком, но подписанное ее, Надиным, именем.

«Потому что у нас серьезные отношения, прошу Вас, Галя, постараться Владимира забыть и больше не беспокоить...»

Кажется, постарался кто-то из общих Володиных друзей – может быть, Ефим Катеринчук, уже давно смотревший на Надю влюбленными глазами...

– Ничего не понимаю... Володя, как ты мог подумать, что я могла бы пойти на такую низость? И на основании чего я написала бы твоей бывшей девушке письмо?

– Не могла же Галя написать неправду! И откуда бы она узнала твое имя и то, что я с тобой дружу?

– Откуда она узнала, это выясняй сам. По твоим словам, ты Гале веришь, а мне нет. Раз так, наша с тобой дружба окончена.

Я никогда не позволю никому сомневаться в моей порядочности, тем более своему другу. Если ты рассчитывал, что мы с тобой сможем построить семью, то на недоверии и неуважении семья не строится!

– Надя, ты меня не так поняла! – опешил слегка, отступил на шаг. – Ты сама знаешь, как я тебя люблю!

– Не знаю, Володя..., наверное, я тебе не очень-то дорога, раз ты сам затеял этот разговор. Тем более из письма ясно, что с Галей вы были близки. Не могу же я строить свое счастье на слезах другой девушки! Иди к себе, я с тобой не желаю больше говорить.

Буквально на следующий день к Наде подошел бригадир: нужна повариха в сенокосной бригаде, это почти 180 километров от совхоза. Готовить на двадцать ребят, а то они там голодают.

– Конечно! – согласилась Надя. И тихо, чтобы никто не услышал, добавила: – Хоть на время куда-нибудь скрыться...

* * *

Быстрым шагом пошла в сторону конторы совхоза. Бежать, хоть куда-то. Навстречу – парень в белой рубашке и кепке. Присмотрелась: Олег Зарецкий.

– Хоть бы и за него замуж. А что?..

И сразу же стало не по себе, все тело заморозил какой-то страх. Несколько секунд Надя стояла как вкопанная, не могла двинуться с места. Потом взяла себя в руки и пошла навстречу парню. «Привет!» – поздоровались почти одновременно. И как будто схлынуло наваждение. Пошла дальше и больше об этом не думала. Так как они с Олегом были совершенно разные; да и боялась Надя его холодного взгляда, леденящего душу.

– Надя, быстрее, машина на сенокосную бригаду уходит, загружайся!

Ранним утром вынесла вещи и забралась в кузов: в кабину не захотелось. Погода – тихая, как по заказу. Вот проехали мимо тракторов, возле которых стояли ребята. И он – Володя, конечно, тут же. Смотрит пристально... Надя слегка помахала ему платочком – что-то сердце тревожно замирало: а что, если она растает с любимым навсегда, невольно думала она.

Но вот и сенокосная бригада – в четырех часах пути на машине. Вот «дом» – маленькая палатка. Вот полевая кухня, на которой надо готовить еду. Вот и продукты: их мало, а хлеба нет вообще.

– Как же – хлеборобы и без хлеба?..

– Вот так! Нет, как нет! Вон там, в километре – видишь юрты? Казахи живут. Попробуй у них купить чего.

Пошла знакомиться. Оказалось, не все казахи добрые и приветливые...

– Нам ваши деньги не нужны, – отрезала казашка. – Но, если что-нибудь путное дашь, тогда буду продавать вам продукты, в том числе и хлеб.

– А что же вам нужно? – тихо спросила Надя. Казашка – не поймешь, то ли улыбаясь, то ли оскалившись – показала на шею девушки.

– Вот этот кулон дай.

Золотой кулон с лунным камнем на золотой цепочке, мамин подарок. Память, ниточка из детства... Мама...

И тут же в ушах – мамины слова: «Надюша, никогда не оставляй человека в беде, отдай последнее, если сможешь помочь!»

А сейчас на ее плечах было двадцать парней, которые много работали, чтоб заготовить на зиму сено для животных.

Недолго думая, Надя сняла с себя кулон.

– Возьмите...

Так в бригаде начали появляться хлеб, рис, лук, мясо и жиры; от денег, как оказалось, казахи тоже не отказывались. Надежда была рада, что могла вкусно кормить ребят, они всегда хвалили ее обеды. Никто из работников так и не узнал, что ей пришлось отдать все ценное, что у нее на этот момент было. Ушло и красивое платье с белоснежной расшитой манишкой, и новый ватный матрац – еще один мамин подарок...

* * *

В первую же неделю с Надей тут приключилось несчастье. Неумело растапливая солдатскую печь-кухню, она обожгла себе правую ступню и слегка опалила волосы: заливала соляжкой мокрые после ночного дождя дрова. Нога сильно болела. Казахи дали какого-то жира, и она смазала ожог, но боль еще долго не проходила.

Как раз в эти дни из основной бригады приехал водитель Иван – хороший приятель и всегдашний защитник Нади. «Кто нашего Колокольчика обидит – пеняйте на себя!» – так и говорил с первых дней знакомства.

– Ну что ты, Ваня, я в состоянии за себя постоять и в обиду себя не дам, но в любом случае тебе за внимание к моей скромной персоне спасибо, – обычно отвечала Надя. И в шутку называла его «братиком», а он ее «сестричкой».

Когда Иван уезжал обратно в головной стан, обернулся:

– Звончек, что Володе передать? Я ведь привез тебе от него привет, и он сказал, что очень скучает и ждет тебя.

Нога у Нади очень болела, настроение было отвратительное...

– Да ну, видела я вас всех в белых тапочках!..

– И Володе то же самое сказать?!

– А он что, святой? Да ну вас...

Повернулась и ушла в свою палатку. С тем Иван и уехал.

Ночью пошел дождь, началась гроза, к тому же поднялся большой ветер. В одну из больших палаток попала шаровая молния. Жилище загорелось, ребята выбежали, стали все палатки переносить дальше от пожара. «Быстро, быстро, заноси, взяли, раз, два!» В первую очередь перенесли подальше Надину палатку и вспахали вокруг нее. К счастью, большого пожара не случилось, и самое главное – никто не пострадал.

Через недельку снова приехал Иван – и сразу подошел к Наде:

– Сестричка, я даже не знаю, как тебе сказать...

– Да уж говори как-нибудь, коль начал...

– Ты понимаешь, я передал Володе, что ты его «видела в белых тапочках», и он в этот же день уехал, даже не получив зарплату.

– Ты шутишь, Ваня, или говоришь правду?

– Конечно, я серьезно говорю. Владимир Гайдай уехал совсем из совхоза.

Надя ничего не ответила, только стиснула зубы и бросилась к себе в палатку. Легла и, как маленький ребенок, долго плакала: прощалась с самой главной – как ей тогда казалось – частью жизни. Передать словами всё, что творилось в её душе, невозможно, казалось, что с огромной силой вырвали у неё сердце, и всю рану засыпали солью.

Утром Ваня спросил:

– Сестричка, ты так долго плакала, я слышал. Он тебя обидел? Ты скажи – я его из-под земли достану и накажу.

– Ах, Ваня, Ваня, я не понимаю, о чем ты говоришь. Володя забрал часть моего сердца, и давай забудем об этом. Все!

Подняла глаза и даже постаралась улыбнуться.

А через пару недель все возвращались в бригадный стан. Надя на сей раз ехала в кабине трактора. Когда выезжали, накрапывал дождь, к полудню превратившийся в ливень. Вода хлестала, как из тысячи открытых кранов; ветер разрывал серые полосы воды, бил по стеклам кабины. Началась гроза; в капот трактора внезапно ударила шаровая молния: стальной конь заурчал и зафыркал, вставая на дыбы. «Вот и настал для нас конец света» – успела подумать Надя.

– Спокойно! – Василек, опытный парень-тракторист из Белоруссии, справился с управлением и поставил трактор на гусеницы. Подождали несколько минут, затем поехали дальше.

* * *

Родной вагончик, подруги, горячий чай... Роза молча, потупив глаза, передает Наде записку.

«Надя, любовь моя!

Ты знаешь о моих чувствах к тебе, и я уверен, что это взаимно. Не понимаю, зачем ты уехала, зачем оставила меня одного, без надежды. Но это твой выбор. Я знаю одно – ни я, ни ты друг без друга не будем счастливы. Такая любовь бывает только раз в жизни. Прощай.

Владимир»

Только сейчас Надя поняла, что произошло. Думала, что больно уже было – но нет, больно стало именно сейчас, когда стало ясно, что Володя уже точно никогда не вернется. Больше она не увидит его на целине, не заглянет в эти родные, любимые глаза, не поцелует его. И не будет больше ночей в степи и разговоров обо всем на свете, не услышит его бархатный голос, от которого сердце замирало.

Теперь ей действительно казалось, что она умерла. Вдруг стало все безразлично: и целина, и ребята, и степь, и семья, и весь мир. Она жалела только, что конец света не наступил, и весь этот безумный, бессмысленный мир навязчиво, как кошмар, продолжал существовать. Откуда-то издалека, словно сквозь толщу воды, до нее доносились слова:

– Надежда! Не спать! Пора обед готовить!

Эти слова были пусты, они ничего не значили. Надя повторяла их вслух:

– Надежда. Не спать. Пора обед готовить.

Рот растягивался в чужой, бессмысленной улыбке. Она почти не чувствовала своего тела.

* * *

На время уборочной страды Надю назначили главным поваром бригады. «Помогли» ребята с сенокоса, прославив ее кулинарное искусство на всю целину. «Главный повар» бригады означает, что готовить нужно не на двадцать человек, а на триста. Надежде совершенно не хотелось соглашаться, но отказывать бригадиру было неудобно.

Среди ребят Надя по-прежнему пользовалась успехом, но ей было все равно. Постоянно маячил и Олег, но он был сдержан, ненавязчив. Только один раз обратился к Надежде с просьбой починить куртку.

– А тебе идет куртка-то! – неожиданно, не зная, зачем, сказала Надя. А про себя продолжила: «Хотя ты далек от совершенства, как небо от земли».

На душе было неопишимо отвратительно. Но суровая школа жизни научила ее всегда улыбаться, не показывать виду, что что-то не так. Это, безусловно, выручало девушку.

Вскоре на целину приехал брат Дмитрий с товарищем. Товарищ через непродолжительное время вернулся на родину, а Дима, настоящий герой, остался работать в бригаде. В основном бригадном стане вновь сталолюдно.

Урожай, как и в прошлом году, был высоким. Но если для трактористов это был настоящий праздник, то для главного повара бригады настали самые тяжелые и безотрадные дни на целине. Триста человек из бригады плюс командированные, в том числе с Ленинградской фабрики «Скорход», – вот какая тяжесть легла Надежде на плечи. Однако она относилась к этому совершенно спокойно, а вернее будет сказать – равнодушно, с автоматизмом. Вскоре к ней приставили двух помощниц.

Олег Зарецкий тоже помогал, причем помощь всегда была как нельзя кстати. Он приходил глухой ночью, когда к шести утра нужно было уже не только растопить печь, но и приготовить завтрак. Олег топил печь, не давал огню погаснуть и спал в эти ночи не больше 2–3 часов, как и Надежда. А утром садился в комбайн и работал до заката.

* * *

Однажды они прогуливались вдвоем по бригадному стану – дальше ходить с этим человеком Надя не осмеливалась. Олег был задумчив, долго молчал, угрюмо смотрел под ноги и вдруг неожиданно выпалил:

– Надя, выходи за меня замуж!

Но, несмотря на все ее безразличие к происходящему вокруг, эти слова подействовали на Надежду, как удар молотком по голове. Собравшись с мыслями, она произнесла:

– Олег, я не могу принять вашего предложения. Я вас не люблю и не знаю, смогу ли вообще кого-нибудь когда-нибудь полюбить.

– Со временем, я думаю, полюбишь. Я без тебя жить не хочу и не буду. Мне незачем жить без тебя, – голос Олега был твердый и уверенный.

Надя совсем растерялась. Потом, после продолжительного молчания, каким-то чужим голосом произнесла:

– Я подумаю...

Думала она долго, но мысли не помогали – только нестерпимо жгли душу. Нет, Олега она однозначно не любит. Скорей всего она больше не полюбит вообще никого? А он хоть и угрюмый парень, но хороший и трудолюбивый. Как знать, может быть, она сможет сделать его счастливым, учитывая, что самой-то уже все равно.

Мысли были безрадостными и вели в тупик. Надя всячески оттягивала ответ, надеясь на счастливый случай. Олегу она сказала, что посоветуется с мамой, и в душе очень надеялась,

что та не одобрит. Но вопреки ожиданиям и как будто назло несчастной девушке Анна Семеновна писала в письме: *«Надюша! Тебе уже пошел двадцать первый год. Я думаю, самое время выходить замуж. Дима пишет, что Олег – трудолюбивый парень. Почему бы тебе не принять его предложение? В общем, решай сама, во всем твоя полная воля».*

Казалось, весь мир отвернулся от Надежды. Даже родная мама не слышит и не понимает ее. Днем она думала, ночью плакала.

Олег по-прежнему помогал Наде в работе, вел себя порядочно. Иногда, растапливая печь, он так и засыпал рядом с ней, никогда не позволял себе лишнего. Кроме Олега и другие парни предлагали ей руку и сердце. Всем им Надя отказывала с улыбкой. Особенно Наде запомнился такой случай.

Уже смеркалось, почти все ребята поужинали, Надя оставила свою помощницу дежурить в столовой, а сама решила отдохнуть и прогуляться. Она пошла к своему жилищу, вдруг ее окружили ребята из их бригады. Надя приостановилась, посмотрела на парней, заметив их загадочные взгляды, спросила:

– Ребятюшки, что случилось, что вы хотите мне сказать?

Ваня, самый высокий юноша, произнес:

– Надюша, Звоночек наш, что же ты делаешь, мы слышали, что ты собираешься замуж за Олега, зачем, он совершенно тебе не пара. Он замкнутый и вечно недовольный всем, настоящий бирюк, тебе с ним будет плохо, посмотри на нас, каждый готов взять тебя в жены.

Надя осмотрела всех ребят, прищутив свои серые красивые глаза, которые многих ребят сводили с ума, как будто впервые их видит. Среди них она заметила и Васильку из Белоруссии, и друга Володи Алексея, и красивого паренька из Молдавии Мишу, и других ребят, рослых и статных. Она им с улыбкой ответила:

– Ребятюшки, дорогие мои, я пока замуж не собираюсь. Не стоит так обо мне беспокоиться.

Работа шла своим чередом. Готовила она вкусно. Если в совхоз приезжала какая-нибудь комиссия, то обедать гостей всегда везли в их бригаду. По всему совхозу разнесся слух, что во второй бригаде молодая повариха, Колокольчик из Украины, вкусно и недорого готовит борщи, супы, котлеты, биточки.

Честность и порядочность Олега, его бескорыстная помощь, в конце концов, убедили Надежду принять его предложение – выйти за него замуж. Но как только Надя дала ему утвердительный ответ, начались различные приключения. Несколько раз им выделяли машину для поездки в поселковый совет, чтобы расписаться, и всегда что-нибудь да происходило. То на дверях обнаруживался огромный замок, то не было секретаря на месте, то машина дорогой ломалась.

В это же время ей снился какой-то странный сон: *подбежала к ней тихая большая собака, вначале к ней ластилась, затем как-то оскалилась и превратилась в волка. И еще ей приснилось, что она купила себе новые часики, через некоторое время на них посмотрела и видит: стеклышко какое-то мутное, с трещиной. Она решила не выбрасывать их, пусть будут.*

Вскоре с поселковым советом все оказалось в порядке, но Надя забыла свой паспорт. Секретарь молодых зарегистрировала, но брачное свидетельство на руки не дала. Наде было сказано, что, когда привезет паспорт, проверят правильность записей, тогда и выдадут ей свидетельство о браке. К сожалению, ничего не остановило Надежду от трудного и неверного шага. Поистине *«судьба – царь над всеми и всем, ветер, от которого никто никуда не может убежать»*, как говорили в Древнем Иране. С этого момента Зарецкие стали законными мужем и женой. Но на интимную близость с Олегом Надя просто никак не могла решиться, боялась, как позже выяснилось, неспроста.

Через несколько дней, вечером, зайдя в свое жилище, Надя заметила, что на свободной койке спит сменщик Олега. Девушка не обратила внимания, что муж лежит на ее кровати без верхней одежды. Было очень поздно, за день она порядком устала, поэтому сразу легла в постель. Ей показалось, что она тут же уснула. Вдруг она почувствовала, что Олег лежит на ней и молниеносно снимает с нее трусики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.